

Квентин Скиннер

МАКИАВЕЛЛИ

Очень краткое введение

АСТРЕЛЬ
Москва

УДК 140.8
ББК 87.3
С 42

Настоящее издание «Machiavelli. A very short introduction»
впервые опубликовано в 1981 году издательством
Oxford University Press (Великобритания)

Скиннер, К.

С42 Макиавелли. Очень краткое введение / Квентин Скиннер;
пер. с англ. — М.: Астрель, 2009. — 156, [4] с.: ил. — (Оксфорд).

ISBN 978-5-271-25511-3

«Макиавелли умер почти пятьсот лет назад, однако его имя до сих пор звучит на устах тогда, когда надо описать лукавые, коварные шаги и действия, предпринятые в большой политике», — так начинает свою работу Квентин Скиннер и, чтобы опровергнуть это несправедливое обвинение незаурядной личности, коей, несомненно, является Макиавелли, исследует три главные работы: «Государь», «Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия» и «История Флоренции» — и представляет собственную интерпретацию мировоззрения Макиавелли. Однако как бы ни реагировал читатель на концепцию Скиннера, нельзя не согласиться с тем, что гений Макиавелли грандиозен в области теории политики.

УДК 140.8
ББК 87.3

*Издание подготовлено к публикации
при участии ООО «Агентство прав «У-ФАКТОРИЯ»*

© Quentin Skinner, 1981
© ООО «Издательство
«Астрель», 2009

Первая публикация данного «Очень краткого введения» вышла в серии «Мастера прошлого» в 1981 году. Я по-прежнему глубоко признателен Кейту Томасу за то, что мне было позволено внести свой вклад в расширение его серии, кроме того, благодарен сотрудникам издательства *Oxford University Press* (и особенно Генри Харди) за помощь в редакции, а также Джону Дунну, Сьюзан Джеймс, Джэй Ди Покок и Кейту Томасу за скрупулезное прочтение рукописи и ценные консультации. Поскольку была необходима помощь экспертов в подготовке нового издания, я выражаю признательность редакторской группе издательства и, в частности, Шелли Кокс, за терпение и поддержку.

При подготовке нового издания я тщательным образом переработал свой текст и модернизировал библиографию, однако основное направление аргументации оставил неизменным. Я по-прежнему считаю Макиавелли ¹

¹ Наряду с этим вариантом фамилии в академических и научно-популярных изданиях употребляется другой — Макьявелли — согласно унифицированным правилам практической транскрипции для передачи итальянских имен в русском языке. (Здесь и далее примечания редактора обозначены цифрой, примечания автора — звездочкой.)

представителем неоклассического направления политики эпохи гуманизма. Кроме того, я уверен, что самые острые аспекты его творческого взгляда на политику лучше всего могут быть интерпретированы как серия полемических — а иногда даже и сатирических — выпадов против морали гуманизма, которую он сам наследовал и в целом продолжал поддерживать. Моей главной целью было представить объективное понимание Макиавелли основ государственного управления, и я надеюсь, что моя интерпретация может составить интерес для специалистов данной области.

Цитаты из работ Бозция, Цицерона, Ливия, Саллюстия и Сенеки я брал в Библиотеке классических переводов Лозба. Перевод высказываний из трудов Макиавелли «Послания» (*Correspondence* — С), «Искусство дипломатии» (*Legations* — L) и так называемой работы «Фантазии» (*Ghiribizzi*) — мой собственный. В цитатах из трактата «Государь» я пользовался переводом Руссела Прайса (Cambridge, 1988). Если я обращался к другим работам Макиавелли, то брал цитаты из прекрасного издания переводов на английский Алана Джилберта «Макиавелли. Основные труды и другие работы» (3 тома, Duke University Press, 1965) — с любезного разрешения автора. В цитатах из «Посланий» (*Correspondence*) и «Искусства дипломатии» (*Legations*) я идентифицировал источник, маркируя фразу буквами С или L, одновременно ссылаясь на страницу. Обращаясь к другим работам Макиавелли, я при помощи контекста в каждом случае определял, какой именно текст я цитирую, и в скобках просто указывал номер страницы². Полный перечень

² В данном издании сохраняются ссылки автора на цитируемые им издания.

изданий, к которым я обращался, приведен на с. 150 в списке «Труды Макиавелли, цитируемые в тексте».

Относительно переводов нужно отметить еще два момента. Я рискнул исправить несколько мест в толкованиях Джилберта, чтобы быть ближе к собственно формулировкам Макиавелли. И я категорически настаиваю на точке зрения, что основа концепции Макиавелли — понятие *virtú* (лат. *virtus*) — не имеет точного перевода одним словом на современный английский язык, а также не может быть перефразировано. Поэтому я оставил термин в его первоначальном виде. Это не означает, тем не менее, что я не смогу проанализировать его значение; наоборот, большая часть моей работы посвящена объяснению того, что, на мой взгляд, Макиавелли подразумевал под этим словом.

ВВЕДЕНИЕ

Макиавелли умер почти пятьсот лет назад, однако его имя до сих пор звучит на устах тогда, когда надо описать лукавые, коварные шаги и действия, предпринятые в большой политике. «Кровавый Макиавелли», как сказал о нем Шекспир, никогда не переставал быть объектом свирепых нападков моралистов, равно как и средоточием ненависти и консерваторов и революционеров всех мастей. Эдмунд Берк призывал считать «гнусные максимы макиавеллевской политики» предтечей «демократической тирании» Французской революции. Маркс и Энгельс с не меньшей страстью атаковали принципы макиавеллизма, не уставая подчеркивать, что исполнители заветов этого политика имеют своей истинной целью задушить энергию демократических сил еще на стадии революции. Единственное, в чем соглашались обе стороны, — это то, что зло, воплощенное в политике Макиавелли, составляет одну из самых опасных угроз основам политической морали.

Мрачная слава, сопровождающая имя Макиавелли, способствует тому, что в политической дискуссии любой намек на приверженность к его теории приравнивается

к серьезному обвинению. Например, когда Генри Киссинджер в 1972 году в известном интервью журналу *The New Republic* изложил концепцию своей философии, журналист, беседующий с ним о его роли советника президента, заметил: «Слушая вас, иногда задумываешься не о том, насколько велико ваше влияние на президента Соединенных Штатов, а скорее насколько глубоко на вас самого повлиял Макиавелли». Это предположение Киссинджер предпочел немедленно опровергнуть. Являлся ли он сторонником макиавеллевской теории? — Ни в коем случае! — Находился ли он хоть в какой либо мере под влиянием положений и максим Макиавелли? — Нет, никогда.

Какие же представления лежат в основе мрачной репутации, сопутствующей имени Макиавелли, и заслуженна ли она? Какие взгляды на политику и политическую мораль он выдвигает в своих трудах? На эти вопросы я надеюсь дать ответ в настоящей книге. Я собираюсь доказать, что для понимания доктрин Макиавелли необходимо начинать с восстановления проблем, которые он видел перед собой, работая над «Государем» (*Il Principe*) и «Рассуждениями» (*Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*³), а также другими трудами по политической казуистике. Для достижения этой цели — осознания основ макиавеллевской теории — нам нужно восстановить контекст, в рамках которого создавались произведения: интеллектуальный контекст философии классического периода и Ренессанса, политический контекст жизни и управления в городе-государстве в Италии начала XVI века. Восстанавливая эпоху,

³ «Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия» — полное название (в русской традиции) этого труда Макиавелли.

когда формировались идеи Макиавелли, мы получаем возможность в полной мере оценить абсолютную оригинальность его атак на главенствующую роль морали в обществе того времени. А оказавшись причастными к его личным взглядам на мораль, мы без труда поймем, почему так часто обращаются к имени Макиавелли в моменты, когда обсуждаются вопросы власти и политического лидерства.

Глава 1

Дипломат

Истоки гуманизма

Никколо Макиавелли родился во Флоренции 3 мая 1469 года. Первое упоминание о нем появляется при описании событий, происходивших в период падения режима Савонаролы в 1498 году, в которых Макиавелли принимал активное участие. Провидческие проповеди Джироламо Савонаролы, настоятеля в монастыре доминиканцев Сан-Марко, оказывали решающее влияние на политику Флоренции в течение четырех лет, до тех пор, пока он не был обвинен в ереси. Вскоре после этого правящий консул города постепенно удалил сторонников Савонаролы с их мест в правительстве. Одним из таких людей, лишившихся поста, был Алессандро Браччеси, глава Второй канцелярии. Поначалу место оставалось незанятым, но по прошествии нескольких недель практически никому неизвестный на тот момент Макиавелли явился на арену событий в качестве возможного претендента. Ему едва исполнилось 29 лет, и, по-видимому, он не имел за плечами опыта служения в подобных сферах. Тем не менее его кандидатура прошла без явных сложностей, и 19 июня 1498 года в приличествующей случаю обстановке главный

консул представил Макиавелли как второго консула Флорентийской республики.

Макиавелли

К моменту вхождения Макиавелли в канцелярию существовала устоявшаяся процедура принятия людей на столь высокие посты. Помимо выраженных способностей к дипломатии, претенденты должны были обладать эрудицией в гуманитарных науках. Концепция о комплексе гуманистического познания мира (*studia humanitatis*) была воспринята еще от римлян, в частности от Цицерона, чьи педагогические идеалы воскресили и повсеместно ввели в практику — в университетское образование и просто в общественную жизнь — итальянские гуманисты XIV века. Гуманистов отличала в первую очередь приверженность теории о необходимости «истинно гуманитарного» образования. Обучение молодых людей должно было начинаться с неременного освоения латинского языка, затем продвигаться к упражнениям в риторике и подражании лучшим образцам классического стиля и завершаться тщательным изучением античной истории и философии нравственности. Гуманисты популяризовали надолго укоренившееся мнение о том, что подобный род подготовки является лучшим для воспитания политика. Именно Цицерон настаивал, что изучение этих наук способствует формированию и развитию качеств, необходимых для должного служения своему народу: умения подчинять личные интересы общественным, стремления противостоять продажности и тирании и служить благородным целям, таким как честь и слава собственного государства.

Постепенно флорентийцы все больше вдохновлялись подобными настроениями, пропитывались ими настолько,

**Рис. 1. Палаццо Веккьо, Флоренция. Здесь размещалась
Вторая канцелярия, в которой Макиавелли работал с 1498 по 1512 г.**

**Рис. 1. Палаццо Веккьо, Флоренция. Здесь размещалась
Вторая канцелярия, в которой Макиавелли работал с 1498 по 1512 г.**

что на посты городского управления стали приглашать исключительно крупных гуманистов. Можно считать, что начало этому процессу было положено с назначением на пост канцлера Колюччо Салютати⁴. Постепенно это становилось правилом, и в период, когда выросл Макиавелли, первым канцлером был Бартоломео Скала, который, даже занимая столь высокий пост, не оставлял профессорских занятий в университете и продолжал писать труды на темы гуманизма. (Главной работой Б. Скала считается трактат о вопросах морали и «История флорентийцев».) Во времена службы в канцелярии Макиавелли эта традиция старательно поддерживалась преемником Скала, Марчелло Адриани. Он также попал в Первую канцелярию из университетского кресла и также продолжал публиковать труды на темы гуманизма, в том числе учебник по обучению латыни и трактат «О просвещении флорентийской аристократии», написанный на диалекте.

Господство в Италии эпохи Ренессанса идеалов гуманизма помогает объяснить, как и почему Макиавелли в свои относительно молодые годы был призван занимать пост, подразумевающий огромную ответственность перед республикой. Его семья, хотя и не принадлежала к богатому либо аристократическому сословию, имела тесные связи с самыми известными представителями гуманистических кругов. Отец, Бернардо Макиавелли, зарабатывающий на жизнь судебной практикой, с огромным энтузиазмом внимал речам гуманистов и был близко знаком с несколькими

⁴ Колюччо Салютати (1331—1406), один из родоначальников гуманизма эпохи Ренессанса; канцлер Флорентийской республики (1375—1405), завоевавший славу блестящего оратора и политика.

крупными учеными того периода, включая и Бартоломео Скала. Трактат последнего, написанный в 1483 году и называвшийся «О законе и суде», был построен в форме диалога автора и его «близкого друга», которым на самом деле являлся Бернардо Макиавелли. Более того, из «Дневника», который последний вел между 1474 и 1487 годами, явствует, что в момент, когда подрастал его сын Никколо, он был занят изучением главных классических текстов, на которых, собственно, и базируется ренессансная теория гуманизма. В дневнике Бернардо Макиавелли также отмечает, что ознакомился в 1477 году с «Филиппиками» Цицерона и в 1480 году с его же работой «Об ораторе». Кроме того, в 1470 году он несколько раз читал главный труд Цицерона на тему нравственности — «Об обязанностях», а в 1476-м смог получить собственную копию «Истории» Тита Ливия. Текст этого издания примерно 40 лет спустя послужит основой для написания Никколо Макиавелли знаменитых «Рассуждений», самой объемной и амбициозной работы по философии политики.

В своем «Дневнике» Бернардо пишет, что сумел дать сыну прекрасное образование именно в области *studia humanitatis** (и это стоило ему немалых денег — также упоминает он в записках). Первый раз об образованности Никколо Макиавелли мы узнаем со страниц дневника Бернардо Макиавелли, где он пишет о семилетнем сыне: «Мой маленький Никколо только что начал курс у профессора Маттео — первую ступень, латынь». К 12 годам Макиавелли завершил вторую ступень и перешел в обучение к другому

* Bernardo Machiavelli, *Libro di Ricordi*, ed. C. Olschki (Florence, 1954), p. 11, 31, 35, 58, 88, 123, 138.

известному преподавателю, Паоло да Рончиљоне, который был наставником практически у всех крупных общественных деятелей — гуманистов того времени. Следующий шаг отмечен в дневнике Бернардо датой 5 ноября 1481 года: «...сейчас Никколо пишет собственное сочинение на латыни» — и демонстрирует беспрекословное следование принципам гуманистического образования: подражание лучшим образцам классического стиля. В конце концов, если верить словам Паоло Джовио⁵, Макиавелли отправили завершать образование в Университет Флоренции. В «Максимах» Джовио утверждает, что лучшую подготовку по изучению классических текстов ему дал Марчелло Адриани. Сам Адриани, как мы уже знаем, еще до своего назначения на пост первого канцлера много лет преподавал в университете.

Полученная Макиавелли сумма гуманитарных знаний, возможно, служит ключом к объяснению столь яркого начала его карьеры — получение им государственного поста в 1498 году. Адриани был назначен первым канцлером чуть ранее, в этом же году. Вполне правдоподобным кажется тот факт, что он запомнил талантливого в гуманитарных науках юношу и решил наградить его за усердие, когда формировал новый состав канцелярии (необходимость в этом возникла после смены режима). Может быть, именно благодаря патронажу Адриани, а одновременно и под влиянием друзей-гуманистов круга Бернардо Макиавелли, сын

⁵ Паоло Джовио (1453—1552), епископ Ночерский, итальянский ученый-гуманист, придворный врач римских пап, историк, географ; составил описание Британских островов, а также биографии знаменитых мужей прошлого.

последнего сразу после школярской скамьи оказался в правительстве, каким оно стало после свержения Савонаролы.

Задачи дипломата

Служба Макиавелли включала обязанности двоякого рода. Вторая канцелярия, учрежденная в 1437 году, вела официальную корреспонденцию по управлению землями Флоренции. Кроме того, будучи главой этого ведомства, Макиавелли также являлся одним из шести секретарей первого канцлера, и в этой должности был уполномочен состоять при Коллегии Десяти, в комитете, отвечающем за дипломатические отношения Флорентийской республики. Это означало, что, помимо регулярной «конторской работы», он в любой момент мог быть отозван в поездку по вопросам внешней политики за пределы родного государства, и там от имени Коллегии Десяти в качестве секретаря сопровождать послов Флоренции, ведя официальные отчеты. Первый подобный визит имел место в июле 1500 года, когда Макиавелли вместе с Франческо делла Каза «в самом спешном порядке» был вызван присутствовать в суде Людовика XII Французского. Созыв посольской миссии был необходим из-за сложностей, которые испытывала Флоренция в войне с Пизой. В 1496 году граждане Пизы подняли мятеж, и в течение четырех лет им удавалось отражать все попытки подавить их борьбу за независимость от Флоренции. В начале 1500 года Франция согласилась помочь флорентийцам вернуть город в подчинение и снарядила войска для осады. Однако кончилось мероприятие плачевно: нанятые флорентийцами

гасконские наемники дезертировали, а швейцарские подняли мятеж из-за того, что им мало платили, — и штурм самым позорным образом провалился.

Задачей Макиавелли было доказать, что «предприятие не увенчалось успехом отнюдь не из-за недочетов флорентийской политики», и одновременно создать впечатление, «что все проблемы возникли по вине французского командования, отличившегося трусостью и продажностью» (L 72, 74). Однако на первой же аудиенции у Людовика XII он и Делла Каза обнаружили, что короля вовсе не интересуют извинения Флоренции за прошлые ошибки. На самом деле он хотел знать, на какую конкретно помощь от такого несостоятельного правительства можно рассчитывать в будущем. Эта встреча задала тон всей последующей дискуссии, участниками которой со стороны Франции были Флоримон Роберте и архиепископ Руанский — главные советники короля. Для Макиавелли основным результатом визита, продлившегося шесть месяцев, стало не только то, что он смог постичь принципы политики Франции, но и тот факт, что ему открылся двусмысленный статус городов-государств раздробленной Италии...

Первым уроком для него стало понимание, что государственный аппарат Флоренции оказался слабым и отжившим в системе современных монархических представлений. К концу июля этот факт стал полностью очевиден. На протяжении августа и сентября Макиавелли ждал, что новые послы придут из Флоренции, и продолжал уверять архиепископа Руанского, что их нужно встречать со дня на день. В середине октября, когда по-прежнему не

было и намека на их приезд, архиепископ уже считал это увиливание откровенным оскорблением. Когда в одном из писем Макиавелли, неподдельно сожалея о задержке, вновь пытался уверить французскую сторону в скорейшем прибытии миссии, архиепископ ответил следующее: «Если то, что вы говорите, действительно правда, то к приезду послов мы как раз успеем умереть» (L 168). Еще более унижительным стало то, что представление флорентийцев о собственном политическом влиянии для французов оказалось смехотворным заблуждением, поскольку не было подкреплено ни военными успехами, ни благосостоянием республики. Франция признавала только славу оружия и толщину кошелька, а у синьории оба этих политических аргумента отсутствовали. В публичных выступлениях Макиавелли пытался убедить монарха в решающей роли Италии в союзе с Францией, однако очень скоро обнаружил, что все уверения напрасны, и французы только насмеяются над ним. С горечью Макиавелли признавался, что они прозвали его «господин Ничто» (L 126 etc.).

Макиавелли принял произошедшее близко к сердцу. Его зрелые сочинения полны предупреждений о том, как глупо растягивать события и как опасно сомневаться, — в военных делах и в политике необходимо всегда действовать уверенно и быстро. И он считал категорически несправедливым утверждение, что у итальянских городов-государств не может быть независимого будущего. Макиавелли продолжал развивать теории о возможности военных и политических союзов, он был уверен, что города-республики способны восстановить независимость, хотя историческая ситуация в то время демонст-

рировала их окончательное подчинение значительно превосходящему могуществу Франции, Германии и Испании.

Визит во Францию завершился к концу декабря 1500 года, и Макиавелли заторопился домой. За время его отсутствия умерла сестра, и незадолго до его приезда скончался отец, вследствие чего (как Макиавелли печально писал в отчетах синьории) «в семье полностью утрачены порядок и спокойствие» (L 184). Кроме того, его беспокоили вопросы собственной карьеры — в конце октября секретарь Агостино Веспуччи сообщил: «Не исключено, что по возвращении вы лишитесь места в канцелярии» (С 60). Вскоре у Макиавелли появилась и другая причина не покидать Флоренцию — он стал ухаживать за Мариеттой Корсини. Осенью 1501 года они поженились. Эта женщина всегда находилась в тени славы своего мужа, и только из писем можно предположить, что Макиавелли никогда не переставал любить ее. Мариетта родила ему шестерых детей, терпеливо сносила измены и пережила мужа на четверть века...

Следующие два года Макиавелли провел во Флоренции и в ее окрестностях. Синьория была озабочена ситуацией на границах. В апреле 1501 года герцогом Романьи стал Чезаре Борджиа. Получив громкий титул благодаря содействию отца, папы Александра VI, он немедленно воспользовался представившимися возможностями и организовал серию дерзких военных кампаний по захвату соседних земель. Борджиа начал с осады Фаэнцы, в сентябре 1501 года взял Пьомбино, затем его наместники подняли на восстание жителей местечка Вальдикьяна

и весной 1502 года расширили его до стен Флоренции. В это время сам Борджиа предпринял поход на север и молниеносно захватил герцогство Урбино. Окрыленный успехом, он обратился к Флоренции с требованием создать союз, причем флорентийцы должны были организовать посольскую миссию, для того чтобы ^{принять} его условия. Для выполнения этого непростого задания и вызвали Макиавелли, тем более что он уже встречался с Борджиа в Урбино. Назначение Макиавелли произошло 5 октября, а спустя два дня в Имоле он уже предстал перед Борджиа.

Макиавелли

Этот посольский визит послужит началом самого плодотворного периода дипломатической карьеры Макиавелли, когда он будет исполнять любимую из своих ролей — роль наблюдателя, имеющего доступ к государственному аппарату. Считается, что трактат «Искусство дипломатии» у Макиавелли содержит сырой материал — черновики с описанием его более поздних политических воззрений, которые он последовательно перерабатывал и совершенствовал в те годы, когда его отстранили от дел. Однако подробное изучение «Искусства дипломатии» посвящает в систему оценок Макиавелли, и, хотя его эпиграммы показывают, что трактат в основном создавался на злобу дня, фрагменты из него без изменений вставлялись в тексты «Рассуждений» и особенно «Государя».

Макиавелли оставался при дворе Борджиа несколько месяцев, на протяжении которых он не однажды встречался с герцогом наедине. Последний, по-видимому, решил отказаться от идеи публично рассказывать о своей

политике и амбициях. Макиавелли же был поражен. Он писал, что герцог «превышает человеческие возможности в своей безграничной отваге» и «он есть личность грандиозных намерений и твердой уверенности в том, что всего, чего ни пожелает, сумеет достичь» (L 520). Более того, его поступки не менее значительны, чем слова, поскольку он стремится единолично сохранять контроль над всем, правит «в атмосфере строжайшей секретности» и в состоянии реализовать свои разрушительные планы в скорейшем времени (L 427, 503). Одним словом, Макиавелли признал, что Борджиа нужно рассматривать как новую силу на политической арене Италии, а не как кондотьера-выскочку (L 422).

Эти наблюдения, тайно отправляемые Коллегии Десяти и опубликованные в главе VII «Государя», оказались ~~весьма прозорливыми~~. Говоря о деяниях Борджиа, Макиавелли вновь подчеркивает его исключительную храбрость, выдающиеся способности и ошеломляющее стремление идти прямо к намеченной цели (33—34). Он также настаивает на своем суждении о том, что Борджиа крайне изобретателен в способах достижения своих целей. «Он использует каждый шанс, предоставленный судьбой, для того, чтобы “пустить корни”, “укрепить базу для дальнейшего могущества”. Таким образом, в кратчайший срок, если удача не отвернется от него, он сумеет разрешить любую проблему....» (29, 33).

Восхищаясь качествами лидера Борджиа, Макиавелли отмечал запредельную самонадеянность герцога. Уже в октябре 1502 года он пишет из Имолы: «Все это время, пока я здесь, правление герцога подкреплялось не чем

иным, как его собственным везением — исключительно благоприятной фортуной» (L 386). В начале следующего года Макиавелли с растущим неодобрением отмечает тот факт, что герцог до сих пор довольствуется тем, что слишком полагается на свое неслыханное везение (L 520). К октябрю 1503 года Макиавелли направляется послом в Рим и снова получает возможность близкого общения с Борджиа — прежние сомнения выкристаллизовываются в уверенность, что, несмотря на фортуны, возможности герцога ограничены.

Основной целью поездки в Рим было составление отчета о необычном кризисе, имевшем место при дворе папы. Папа Александр VI умер в августе, его преемник, Пий III, пробыв на посту не более месяца, тоже скончался. Флорентийская синьория в нетерпении ожидала ежедневного бюллетеня — отчета о событиях, по которым можно было судить, что произойдет далее, особенно после того, как Борджиа резко поменял союзников и согласился поддерживать кандидатуру кардинала Джулиано делла Ровере. Такое развитие событий являлось потенциальной угрозой интересам Флоренции, поскольку поддержка герцога была куплена ценой обещания ему чина генерал-капитана папской армии в случае, если будет избран Ровере. Было очевидно: если Борджиа займет этот пост, последует новая серия разрушительных военных кампаний на границы Флоренции.

Первые донесения Макиавелли соответственно касались заседания конклава, на котором Ровере был избран «подавляющим большинством» и стал папой Юлием II (L 599). Тут же внимание общественности переместилось

на противостояние, которое начало развиваться между новым папой и Борджиа. Макиавелли наблюдал, как эти два мастера интриг старались обмануть друг друга, и понял, что его сомнения по поводу вечной удачливости герцога полностью оправдались. Борджиа выказал себя плохим провидцем, не сумев предугадать опасности от союза с Ровере. Макиавелли напомнил Коллегии Десяти, что понтификат, возглавляемый отцом герцога, Александром VI, отправлял кардинала в ссылку на десять лет. Макиавелли добавил, что вряд ли Ровере смог забыть это унижение, пусть сейчас он и выглядит поистине благосклонным, вступив в альянс с сыном своего врага (L 599). Однако самым серьезным критическим аргументом Макиавелли стало то, что даже в этой сложной ситуации Борджиа продолжал высокомерно рассчитывать на непоколебимое действие своей счастливой звезды. Поначалу Макиавелли просто отмечал, с некоторым для себя удивлением, что «герцог позволяет себе быть ведомым своей колоссальной самонадеянностью» (L 599). Спустя две недели во владениях Борджиа в Романье начался бунт, и Макиавелли в язвительных тонах писал, что «герцог вошел в ступор» — «удача повернулась к нему спиной, к чему он совершенно не привык» (L 631). К концу месяца Макиавелли пришел к выводу, что удары судьбы окончательно лишили Борджиа здравого смысла, настолько, что тот стал неспособен придерживаться ни одного твердого решения, и 26 ноября Макиавелли понимает, что в состоянии уверить Коллегию Десяти, что «с этого момента она может действовать, не считаясь с притязаниями Борджиа» (L 683). Неделью спустя Макиавелли в последний раз обращается к теме Борджиа, лишь заметив, что «герцог понемногу соскальзывает в могилу» (L 709).

Эти конфиденциальные сведения о характере Борджиа стали известны благодаря тому, что Макиавелли вставил их в главу VII «Государя». Макиавелли повторяет, что герцог «сделал плохой выбор», поддержав папство Юлия II, — «лично он никогда бы не допустил, чтобы папский престол перешел в руки кардинала, пострадавшего от его же [герцога] собственных рук» (34). Макиавелли вновь возвращается к обвинениям герцога в том, что тот слишком уж полагался на свою счастливую звезду. Вместо того чтобы встретиться лицом к лицу с непредвиденными сложностями и таким образом быть готовым к «коварным ударам судьбы», он сразу же спасовал, как только это случилось (29). Несмотря на первоначальное восхищение личностью Борджиа, заключительный вердикт Макиавелли о герцоге — это отмечено в «Государе» и в меньшей степени в «Искусстве дипломатии» — был полностью противоположным: он «добился своего положения только благодаря фортуне своего отца» и утратил это положение, как только удача отвернулась от него (28).

Следующей влиятельной фигурой, лидером, к которому Макиавелли смог получить близкий доступ, был новый папа, Юлий II. В период выборов он дал Макиавелли несколько аудиенций, однако только во время двух гораздо более поздних посольских визитов дипломат смог составить полнейшее мнение о характере и положении папы. Первый визит пришелся на 1506 год, в период, когда с августа по октябрь Макиавелли находился при папском дворе. Заданием дипломата на тот момент было информирование синьории о том, как продвигаются планы папы отвоевать Перуджу, Болонью и другие

территории, изначально принадлежавшие церкви. Второй шанс появился в 1510 году, когда Макиавелли был отправлен с посольством ко двору Франции. К этому моменту Юлий II был полон решимости провести крестовый поход против «варваров» — изгнать их из Италии, и это его намерение создало неудобство для Флоренции. С одной стороны, не было ни малейшего желания оскорбить праведный гнев папы. С другой — синьория состояла в традиционном союзе с Францией, которая незамедлительно стала интересоваться, на какую помощь она может рассчитывать, если войска папы займут миланское герцогство, завоеванное королем Людовиком XII за год до этого. Как и в 1506 году, Макиавелли пришлось приложить максимум усилий, учитывая ход кампании Юлия II и пытаясь всеми силами сохранить нейтралитет Флоренции.

Наблюдая солдат папы в действии, Макиавелли поначалу был удивлен и даже поражен. Сначала он подвергал сомнениям планы Юлия II отвоевать обратно папские провинции — эти попытки, по его мнению, должны были окончиться полнейшей неудачей. «Никто не поверит, — писал Макиавелли в сентябре 1506 года, — что папа сможет достичь целей, которые изначально перед собой поставил» (L 996). Однако в скором времени ему пришлось взять свои слова обратно. Уже к концу месяца войска Юлия II повторно атаковали Перуджу и «совершенно обосновались там». Уже до конца октября Макиавелли был вынужден завершить визит, публично объявив, что после столь бурной кампании Болонья безоговорочно сдалась, «ее послы кинулись к ногам папы и просто передали ему город» (L 995, 1035).

Однако прошло совсем немного времени, и Макиавелли стал относиться к Юлию II более критично, особенно после того, как тот принял опасное решение направить слабые войска против Франции в 1510 году. Сначала он, по крайней мере, выражал сардоническую надежду, что самоуверенность папы «основана на чем-то более значительном, чем собственная святость» (L 1234). Но вскоре гораздо более мрачные ноты стали звучать в голосе Макиавелли: «Никто не знает ничего определенного о том, что стоит за действиями папы», и даже личный посол Юлия II «совершенно поражен» предприятием в целом, так как довольно «скептически настроен в отношении того, есть ли у папы ресурсы», чтобы осуществить задуманное (L 1244). Макиавелли пока не был готов открыто осудить Юлия II, поскольку все еще считал возможным, что, «как и в кампании против Болоньи», «исключительная отвага и авторитет» папы смогут обратить безумный штурм в неожиданную победу. Однако в основном он чувствовал себя разочарованным. Макиавелли откровенно разделял замечание Роберте об эффекте, произведенном Юлием II, — «как будто он получил санкцию от Господа Бога на то, чтобы разрушить этот мир» (L 1270). И добавлял с непривычной торжественностью, что папа, по-видимому, «склонен погубить христианство и достичь полного уничтожения Италии» (L 1257).

Это мнение о действиях папы в неизменном виде появляется на страницах «Государя». Макиавелли, во-первых, признает, что, хотя Юлий II «стремительно продвигает свои планы», он «всегда успешен, даже в своих наиболее нереальных проектах». Однако Макиавелли продолжает настаивать, что такая удача всегда была возможна только

из-за благоприятствующих планам папы условий «времени и обстоятельств», и потому ему никогда не приходится платить за свои безрассудства. Несмотря на успехи папы Макиавелли чувствует удовлетворение по поводу того, что политическая прозорливость его не подвела. Общеизвестен тот факт, что Юлий II достиг своими стремительными действиями того, чего до него не сумел достичь ни один понтифик, и что по здравом рассуждении вообще вряд ли могло быть когда-либо достигнуто. Но это происходило только благодаря тому, что жизнь Юлия II была коротка, и поэтому он оставил о себе впечатление великого лидера среди людей. «Если придет время, когда ему придется действовать с осторожностью, это будет моментом его падения, ведь он никогда не сможет отказаться от тех способов, к которым его направляет собственная природа» (91—92).

Между 1506 годом — временем нахождения Макиавелли в посольской миссии при папском дворе — и его очередным приездом во Францию в 1510 году Макиавелли продолжал дальнейшую деятельность за пределами Италии. В это время у него появилась возможность оценить личность и деятельность другого значительного политика — Максимилиана, императора Священной Римской империи. Решение синьории сформировать делегацию послов возникло из-за беспокойства по поводу планов императора двинуться на Италию и быть коронованным в Риме. Огласив это намерение, он потребовал у Флоренции значительную сумму, чтобы восполнить собственную хроническую нехватку финансов. Синьория совсем не желала этого делать, а тем более — видеть войска Максимилиана на своей территории. Поэтому необходимо было знать степень

серьезности этих планов. В июне 1507 года Франческо Веттори⁶ был послан выяснить намерения Максимилиана, но от него приходили настолько запутанные отчеты, что через полгода вслед ему был отправлен Макиавелли. Оба оставались при дворе императора до июня следующего года, когда миссия была отозвана обратно.

Комментарии Макиавелли о главе дома Габсбургов не содержат ни одного из терминов и оценок, характеризовавших его отчеты о Цезаре Борджиа и папе Юлии II. От начала до конца император не уставал изумлять Макиавелли своей абсолютной неспособностью править и полнейшим отсутствием качеств главы государства. Основной слабостью императора, и Макиавелли тонко это почувствовал, была тенденция оставаться «слишком мягким и доверчивым», в результате чего он постоянно рисковал подпасть под самые разные, иногда совершенно противоположные, влияния (L 1098—1099). Это делало невозможным ведение переговоров, поскольку, когда Максимилиан начинал склоняться к какому-либо решению — как, например, в вопросе похода на Италию, — самое безопасное было считать, что «одному Богу известно, чем это может закончиться» (L 1139). Ситуация становилась неуправляемой, потому что каждый ее участник оказывался бесконечно запутанным, и «никто не понимал, что же император собирается делать на самом деле» (L 1106).

⁶ Франческо Веттори (1474—1589), государственный деятель Флорентийской республики и дипломат; был другом Макиавелли в последние годы его службы государственным секретарем. После реставрации Медичи был послом Флоренции при дворе папы римского Льва X (Джованни Медичи).

Портрет императора Максимилиана, данный Макиавелли в трактате «Государь», в основном воспроизводит ранние суждения о нем. В главе XXIII, в которой раскрывается вопрос необходимости государям прислушиваться к полезным советам, Макиавелли говорит, что правление императора рассматривается как предупреждающая притча об опасности, возникающей в случае, если не держать советников в рамках собственной решительности. Максимилиан показан настолько поддающимся влиянию людей, его окружающих, что, даже если его планы в общем становились определенными, попытки учесть все, иногда совершенно противоположные, мнения приводили к их полному разрушению. Это не только характеризует Максимилиана как человека, «с которым бесполезно иметь дело, раз никто никогда не знает, чего он хочет и что собирается делать», это также явно дискредитирует его как политика, поскольку «на его решения невозможно положиться» и «то, что он сделает сегодня, он разрушит завтра» (87).

Уроки дипломатии

Анализируя деятельность политиков, встречавшихся ему на жизненном пути, Макиавелли пришел к следующему выводу: существует главный урок для сильных мира сего, который большинство из них не захотели выучить. В результате их планы проваливались или же были успешны только благодаря удаче и ни в коей мере не строились на внутренней логике политических ходов. Общим слабым местом явилась полнейшая неспособность этих государственных деятелей действовать гибко, сообразно меняющимся обстоятельствам.

Чезаре Борджиа был самоуверен до одержимости, Максимилиан всегда оставался излишне осторожным и колеблющимся, Юлий II — импульсивным и торопящим события. И все они совершенно отказывались признать тот факт, что их действия могли бы быть гораздо более успешными, если бы только они [эти политики] попытались приспособить устремления собственных характеров к требованиям времени, вместо того чтобы стараться переплавить конкретное время в огне собственных страстей.

Макиавелли поместил эти наблюдения в самую сердцевину своих трудов — в часть трактата «Государь», посвященную анализу политического лидерства. Однако собственная точка зрения на данную проблему сформировалась у него ранее, во время активной дипломатической деятельности. Более того, из его труда «Искусство дипломатии» становится ясно, что данный вывод сложился не только благодаря личным встречам, но и в результате знакомства с речами и документами искусных политиков. Первый прецедент произошел в день избрания папы Юлия II, когда Макиавелли вступил в беседу с Франческо Содерини, кардиналом Вольтерры и братом Пьеро Содерини, главой магистрата Флоренции («гонфалоньером»). Кардинал уверял, что «за все прошлые годы город никогда не возлагал столько надежд на папу, как это имеет место с избранником настоящего времени». «Но если бы только можно было знать, — добавлял он тут же, — как с этим временем жить в согласии...» (L 593). Спустя два года Макиавелли натолкнулся на подобное суждение во время переговоров с Пандольфо Петруччи, правителем Сьены (о нем он впоследствии с восхищением упоминает в трактате «Государь» как о «необыкновенно талантливом деятеле» (85). Синьория направила Макиавелли

выяснить подоплеку хитросплетений и интриг, сопутствующих отношениям Петруччи с Флоренцией (L 911). Государственный муж заметил с нахальством, поразившим Макиавелли: «Желая сделать как можно меньше ошибок, я руковожу моим правительством день за днем и час за часом делаю то, что мне полагается делать, — просто потому, что время гораздо сильнее наших самых лучших умов» (L 512).

Хотя высказывания Макиавелли о правителях современной ему эпохи характеризуются жесткой критикой, было бы ошибкой считать, что он относился к собственному архиву только как к летописи преступлений, безрассудных причуд и неудач сильных мира сего. В определенные моменты дипломатической карьеры он мог наблюдать, как вопросы политики принимались и решались не только с вызывающим неподдельное восхищение мастерством, но и в манере, оказавшей значительное влияние на формирование его теории политического лидерства. Один из таких эпизодов имел место в 1503 году, во время затянувшейся битвы умов — противостояния Чезаре Борджиа и папы. Макиавелли был восхищен тем, как Юлий II справился с дилеммой, вызванной проблемным присутствием герцога при папском дворе. Как он напомнил Коллегии Десяти, «ненависть, которую Его Святейшество всегда испытывал к герцогу, широко известна, однако это ни капли не повлияло на тот факт, что Борджиа оказал ему помощь большую, чем кто бы то ни было, обеспечив победу в избрании». За это «герцог получил от него ряд щедрых обещаний» (L 599). Проблема казалась неразрешимой — как мог Юлий II надеяться возыметь хоть какую-нибудь свободу действий, не нарушив при этом собственных обязательств?..

Вскоре Макиавелли увидел, что ответ был обезоруживающе прост. Перед возведением в сан Юлий II старательно подчеркивал, что «будучи человеком праведной веры, он полностью обязан поддерживать отношения с Борджиа для того, чтобы выполнить данное ему слово» (L 613, 621). Однако, только почувствовав себя в безопасности, Юлий II быстро своему слову изменил — во всех своих посулах. Он не только отказал герцогу в обещанном титуле и войсках, но арестовал его и заключил в тюрьму в папском дворце. Макиавелли едва смог скрыть изумление, а вместе с ним и восхищение этим беспроницаемым ходом. «Только взгляните, — восклицает он, — как честно этот папа начинает отдавать долги: он просто сам себе их прощает!» При этом никто никогда не посчитает, что авторитет папства может быть поколеблен, наоборот, всякий будет с прежним энтузиазмом продолжать благословлять десницу папы... (L 683).

Борджиа разочаровал Макиавелли тем, что дал разгромить себя столь сокрушительно. Герцог, по его мнению, ни в коем случае не должен был разрешать себе полагаться на чье-либо слово больше, чем на свое собственное (L 600). Тем не менее, без сомнения, Борджиа являлся правителем, заслужившим уважение Макиавелли за четкие действия в битве, а также за то, что дважды на глазах канцлера сумел преодолеть минуты кризиса неустрашимо и с достоинством.

Первый раз это случилось в декабре 1502 года, когда жители Романьи внезапно взбунтовались против деспотических методов управления лейтенанта Борджиа, Рамиро де Орко. По общему признанию, Рамиро, следуя указаниям

герцога, подозрительно быстро преуспел в их исполнении. Он преобразовал хаос, царящий по всей провинции, в жесткую государственность. Однако его жестокость возбудила настолько сильную ответную ненависть, что стабильность обстановки оказалась в опасности. Что должен был делать Борджиа? Его решение последовало незамедлительно, и именно эта скорость была отмечена Макиавелли при описании эпизода. Рамиро был вызван в Имолу, и через пару дней найден на городской площади расчлененным на части, так, чтобы все жители могли это лицезреть. «Это было всего лишь прихотью герцога, — добавляет Макиавелли, — показать, что он может возвышать или уничтожать людей за их действия по собственному усмотрению» (L 503).

Другой эпизод, вызвавший у Макиавелли неподдельное восхищение, касался постоянных передвижений в армии Романьи. Сначала герцогу приходилось слушаться местных правителей, отличавшихся косностью представлений (тогда ему была необходима их военная поддержка). Однако летом 1502 года Борджиа стало ясно, что их лидеры, особенно Орсини и Вителли, не только вели себя сомнительно, но уже явно плели против него заговор. Что ему оставалось делать? Первым его намерением было избавиться от таких союзников — изобразить перемирие, пригласить на встречу в Сенигалию и там убить всех сразу. На этот раз спокойствие изменило Макиавелли, и он пишет, что «абсолютно терялся в догадках, как именно поступит герцог» (L 508). Борджиа же решил в будущем никогда более не заключать столь ненадежных союзов, а вместо этого формировать собственные войска. Такая тактика, совершенно неслыханная для его времени, когда

практически все правители итальянских республик воевали наемниками, поразила Макиавелли, показавшись чрезвычайно дальновидной. С явным одобрением он сообщает, что «герцог сам кует свои силы, и впредь власть будет сосредоточена в его собственных руках». Нанимать рекрутов Борджиа стал изумившим окружающих способом, собственноручно проводя смотр пяти сотням ратников и такому же числу кавалерии (L 455). Вновь обращаясь к тону наставника, Макиавелли в ответ на эти действия пишет: «Каждый, кто достойно вооружен и имеет своих собственных солдат, всегда будет обладать преимуществом, какие бы удары судьбы на него ни обрушились» (L 455).

К 1510 году исполнилось десятилетие дипломатической деятельности Макиавелли за границей. На этот момент у него сформировалось мнение обо всех политиках, с которыми он когда-либо встречался. Только Юлий II оставался для него загадкой. С одной стороны, то, что папа в 1510 году объявил войну Франции, Макиавелли посчитал полнейшей безответственностью и безумием. Не требовалось иметь богатое воображение, чтобы представить, что «вражда этих двух сил оказалась бы величайшим несчастьем именно для Флоренции» (L 1273). Одновременно Макиавелли не переставал надеяться, что благодаря своему экстраординарному свойству поступать непредсказуемо Юлий II окажется скорее спасителем Италии, чем ее божьей карой. В момент окончания кампании против Болоньи Макиавелли стал задумываться, не «замахивается» ли папа на нечто большее, потому что «Италия уже близка к тому, чтобы быть окончательно поделенной между странами, стремившимися ее поглотить» (L 1028). Спустя четыре года,

несмотря на ухудшение ситуации во внешней политике, он все еще пытался убедить себя аргументом, что, «как и в случае с Болоньей», папа еще может увлечь за собой всех и каждого (L 1244).

К несчастью для Макиавелли и Флоренции, страхи дипломата оправдались более, чем ожидания. На то, что его жестко потеснили в сражениях 1511 года, Юлий II отреагировал созданием союза, который кардинально изменил облик Италии. Четвертого октября 1511 года вместе с Фердинандом Испанским он подписал документ о создании Святой Лиги, тем самым заручившись поддержкой Испании в крестовом походе против Франции. Кампания началась в 1512 году, и грозная испанская пехота двинулась маршем в итальянские земли. Сначала она отбила наступление французов, заставив их бежать из Равенны, Пармы, Болоньи и, в конце концов, отойти за Милан. Затем, однако, французские войска атаковали Флоренцию. Город не осмелился открыто бросить вызов Франции и тем самым не оказал обещанной поддержки папе. За эту ошибку ему пришлось заплатить жестокую цену. Двадцать девятого августа испанцы захватили и разграбили город в окрестностях Прато, а спустя три дня и флорентийцы капитулировали. Гонфалоньер Содерини был отправлен в ссылку, Медичи вновь, после восемнадцатилетнего отсутствия, вошел в город, и спустя несколько недель республика перестала существовать.

Звезда Макиавелли закатилась вместе с исчезновением республики. Седьмого ноября он был формально уволен со своего поста в канцелярии. Через три дня получил ограничение на передвижение — в течение года он не

должен был покидать пределы Флоренции, разве только уплатив значительный залог — в несколько тысяч флоринов. Затем, в 1513 году, его настиг самый жестокий удар судьбы. Он был ложно обвинен в участии в подпольном заговоре против нового правительства Медичи и после пыток брошен в тюрьму. Помимо этого, он еще должен был заплатить огромный штраф. Как Макиавелли впоследствии жаловался Медичи в посвящении к трактату «Государь», «великая и непоколебимая несправедливость фортуны... поразила его внезапно и беспощадно» (11).

Глава 2

Советник государя

Флорентийский контекст

В начале 1513 года род Медичи переживал наивысший расцвет. Двадцать второго февраля, узнав о смерти Юлия II, в Рим отправился кардинал Джованни де Медичи, и 11 марта он уже был представлен на конклаве как папа Лев X. Для Макиавелли, с одной стороны, это явилось проблеском надежды, поскольку новый режим быстро приобрел популярность именно во Флоренции. Джованни стал первым флорентийским папой, и, как пишет Лука Ландуччи, автор хроник того периода, город почти неделю праздновал его избрание кострами и артиллерийскими залпами. К тому же фортуна неожиданно вновь улыбнулась Макиавелли — правительство объявило амнистию как часть общей программы празднований, и политик был отпущен на свободу.

Едва покинув стены тюрьмы, Макиавелли затеял интригу, чтобы быть представленным ко двору нового правителя. Его прежний коллега, Франческо Веттори, стал послом в Риме, и Макиавелли неутомимо напоминал ему в письмах, чтобы он употребил все свое влияние: для того, «чтобы я

мог приступить к деятельности на пользу Его Святейшества папы» (С 244). Однако вскоре стало понятно, что Веттори не может, а скорее всего, не хочет помочь Макиавелли. Придя в крайнее уныние, последний уединился в своем имении Сан-Андреа, «чтобы не видеть, — как он написал Веттори, — вокруг себя людских лиц» (С 516). Именно с этого момента Макиавелли выступает в политике скорее как аналитик, а не как прямой участник событий. Поначалу он слал Веттори длинные письма с комментариями о возобновившихся вторжениях Франции и Испании на территорию Италии. Затем — следует из письма от 10 декабря — стал коротать время над систематизацией своего дипломатического опыта, изучением истории и, как следствие, упражнениями в решении задач государственного управления.

В том же письме Макиавелли жалуется, что «вынужден жить в бедном доме в маленьком родовом имении». Однако примириться с тяготами быта ему помогают ежевечерние чтения текстов классической истории — «так я становлюсь вхож ко дворам античных правителей и могу говорить с ними, испрашивая объяснения их деяний». У него также есть время обдумать идеи, рождавшиеся в его голове на протяжении пятнадцати лет, когда он «был вовлечен в изучение искусства правления». Как следствие, Макиавелли написал «небольшую книжку “О государствах”», в которой «погрузился в рассуждения о данном предмете так глубоко, насколько это только было возможно». Этой «небольшой книжке» суждено было стать шедевром — речь о трактате «Государь», начатом в черновиках, как показывает письмо, во второй половине 1513 года, и завершеном к Рождеству того же года (С 303—305).

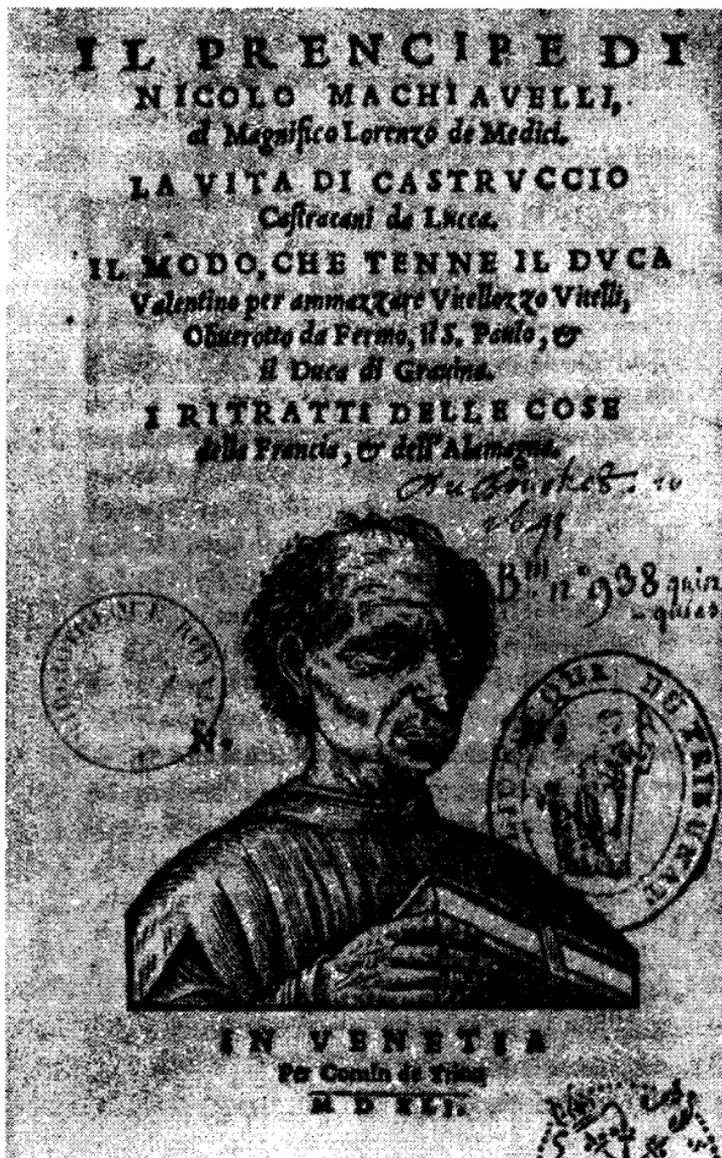

Рис. 2. Титульный лист одного из многочисленных ранних изданий трактата «Государь», Венеция

Самой главной надеждой Макиавелли, как он доверительно сообщает Веттори, была возможность ознакомить господ двора Медичи со своим трудом (С 305). Одной из причин этого желания было стремление засвидетельствовать Медичи свою преданность, что явствует из посвящения к «Государю» (3). Беспокойство Макиавелли по этому поводу коснулось даже его обычно объективных аргументов, и в главе XX «Государя» он с большим чувством отмечает, что недавно избранные правители могут столкнуться с тем, что «люди, к которым они поначалу относились с подозрением, докажут свою большую надежность и пользу по сравнению с другими, к которым до этого было больше веры» (74). Поскольку эта точка зрения категорически противоречит положениям трактата «Рассуждений», сложно удержаться от ощущения того, что здесь к аналитическим суждениям Макиавелли примешивается попытка защитить себя, особенно когда он без конца повторяет: «Я не должен забывать напоминать любому правителю, что люди, угодные предыдущему режиму, окажутся полезными новому правлению более, чем кто-либо еще» (74—75).

Тем не менее главным для Макиавелли было дать понять семье Медичи, что именно он был самым нужным человеком и экспертом и глупо было его упустить. В посвящении Макиавелли настаивает: для того чтобы «правильно служить своему правителю, необходимо быть человеком именно его народа» (4). С обычной для него самоуверенностью он утверждает, что его собственные наблюдения особенно ценны по двум причинам. Он обращает внимание, во-первых, на свой обширный опыт в делах внешней политики (приобретенный за многие годы трудов и риска), а во-вторых, с особенной гордостью указывает на то, что

«виртуозно овладел теорией государственного правления за время непрерывного чтения и тщательного анализа трудов по античной истории — незаменимого кладезя мудрых идей» (3).

Что же заставило Макиавелли считать, что он в праве поучать государя вообще и Медичи в частности, основываясь только на опыте и знаниях, полученных из книг? Для всякого, кто только приступил к чтению трактата «Государь», изложение автора может показаться не более чем сухим, излишне схематичным анализом типов правления, средств и способов приобрести и удержать власть (42). В главе I он сразу вычленяет идею державы, доминиона (в значении управляемой земли), и подчеркивает, что доминион всегда есть или республика, или княжество, то есть единовластно управляемое государство. Он тут же откладывает обсуждение первого явления, замечая, что на данном этапе лучше пропустить любую дискуссию о республике и говорить исключительно о землях, на которых правят единовластно. Затем он напоминает, что сан правителя либо переходит по наследству, либо завоевывается. Снова, абстрагируясь от первого понятия, он утверждает, что правители, получившие титул по наследству, сталкиваются с меньшим числом проблем и, следовательно, менее нуждаются в совете. Сконцентрировавшись на случаях, когда титул приобретает правителем самостоятельно, Макиавелли различает «совершенно новые» государства и те, «которые, как боковые ветви, присоединяются к унаследованному титулу» (5—6). Последние для него менее интересны, однако три последующие главы посвящены рассуждениям о «смешанных княжествах» (19), управляемых наследным государем. В главе VI он переходит к самой важной для него

теме «совершенно новых государств». Здесь он делает еще одно разграничение, одновременно представляя одну из самых важных антитез всей своей теории политики, дихотомию, вокруг которой вращается вся аргументация трактата. Новые государства, утверждает Макиавелли, «приобретаются и удерживаются либо силой оружия и силой *virtú*», либо «при помощи соратников и благодаря *фортуне*» (19, 22).

В этом последнем разграничении Макиавелли проявляет меньше интереса к тем случаям, когда титул правителя был получен благодаря *virtú*, доблести, добродетели. «Те, кто взошли к власти благодаря собственной силе и достоинствам, а не из-за происков фортуны, и есть самые выдающиеся лидеры», — утверждает Макиавелли и приводит в пример Моисея, Кира, Ромула и Тезея, а также других экстраординарных личностей из этой когорты. Но в современной ему Италии Макиавелли не видит подобных людей (исключение составляет, возможно, Франческо Сфорца), и здесь он подразумевает, что все прекрасные стороны человеческой сути просто растворились в продажности современного мира (20). Затем он концентрирует внимание на случаях получения княжеского титула благодаря воле обстоятельств, фортуне, которыми зачастую являются помощь и поддержка других людей, и вот здесь он находит множество иллюстраций в истории Италии. Самым ярким становится пример Чезаре Борджиа, получившего свое положение благодаря отцу — «его судьба может служить образцом для всех тех, кто надеется подняться к власти благодаря удаче, фортуне, — или при помощи других людей» (28).

Данной сентенцией заканчивается деление типов государств на группы и подгруппы, после чего Макиавелли

подробно рассматривает те варианты, которые ему изначально более интересны. И здесь становится ясно, что, стараясь представлять свои аргументы как последовательность нейтральных противопоставлений, он хитрым образом организует рассуждения так, чтобы сделать акцент на определенном типе государственности. Ситуации, в которых, на его взгляд, желательно прислушиваться к авторитетному совету, — это случаи, когда правитель приходит к власти благодаря удаче, Фортуне или же силой оружия. Современный читатель трактата «Государь» не может не догадаться, что в момент, когда Макиавелли предложил Медичи свой труд, последний как раз восстановил владычество во Флоренции благодаря «комбинации» двух движущих сил — постоянной военной поддержки Фердинанда Испанского и просто благосклонности Фортуны. Это ни в коем случае не значит, что аргументы Макиавелли можно проигнорировать как отражающие ограниченную, локальную ситуацию; это лишь доказывает, что он намеревался заставить читателя сконцентрироваться на конкретном примере конкретного места и времени. Местом была Флоренция, время — момент написания работы «Государь».

Наследие классиков

Когда Макиавелли и его современники признали неизбежность влияния Фортуны на устройство дел человеческих, они обратились к историкам и моралистам Древнего Рима в поисках авторитетных исследований характера этой античной богини. А римские авторы считали, что, если правитель получил свой титул благодаря вмешательству Фортуны, то первое, что он должен сделать, — это начать

бояться и почитать капризное божество, даже если пока оно осыпает его дарами. Тит Ливий в книге XXX своего трактата «История» привел аргументированную иллюстрацию этого принципа, сославшись на драматический эпизод капитуляции Ганнибала в противостоянии с юным Сципионом. Проигравший Ганнибал начинает свою речь сдавшегося восхищенной фразой о том, что победивший его воин отныне тот, «кого никогда не оставит милость Фортуны», и добавляет угрожающее напоминание о важности Фортуны в вершении судеб. Он упоминает не только мощь богини удачи, но и говорит, что наименее всего стоит доверяться ей, когда она особенно благосклонна. Если мы так зависим от Фортуны в моменты нашего подъема, то как же стремительно и бесповоротно мы можем пасть, коль она от нас отвернется (XXX.30.12— 23).

Однако моралисты Рима никогда не почитали Фортуну злой и неумолимой силой. Наоборот, они считали ее богиней доброй, *bona dea*, возможным союзником, чье внимание стремятся привлечь. Причиной желать расположения Фортуны были, конечно же, ее дары, желанные для всех смертных. Дары эти самые разнообразные: Сенека относит к ним богатство и честь, Салюст выделяет власть и славу. Все соглашались, что честь и слава из всех даров богини — самые желанные. В трактате «Об обязанностях» (*De officiis*) Цицерон неумоимо повторяет, что величайшая человеческая добродетель есть «способность достигнуть славы» и «снискать честь» (II.9.31; II.12.42; II.14.48).

Как же тогда можно заставить Фортуну вас заметить, оказаться осыпанным ее дарами как из рога изобилия, да еще и так, чтобы именно вам достались самые ценные из них?

Ответ прост: пусть Фортуна — богиня, но она, кроме того, женщина; а коль скоро она женщина, то понравиться ей может только истинный мужчина, в котором воплощены все самые привлекательные мужские черты. Одно качество ей нравится особенно, и за него она может наградить самым щедрым образом, — это храбрость. Ливий, например, много раз повторяет изречение «Фортуна благоволит храбрым». Однако больше всего Фортуна восхищается *virtú* — качеством, которое является самой первой и главной характеристикой подлинного мужа. Идея, лежащая в основе такой точки зрения, ясно сформулирована в трактате Цицерона «Тускуланские беседы» (*Tusculan disputations*), где автор заявляет, что критерием определения настоящего мужчины, мужа, есть *virtus* в его максимальном проявлении. Этот аргумент подробно проанализирован в трактате Ливия «История», где автор объясняет успех римлян исключительно тем фактом, что Фортуна с радостью ожидает и следует доблести, *virtus*, и улыбается тем, кто ее проявляет.

С торжеством христианства все попытки анализировать капризы Фортуны были полностью прекращены. Точка зрения христианства, наиболее любопытно изложенная Бозцием в труде «Утешение философией», основывается на отрицании прежнего ключевого утверждения — того, что Фортуна открыта для воздействия, и на нее можно влиять. Отныне Фортуна уже не богиня, а «слепая сила», следовательно, совершенно равнодушная в том, кому достанутся ее благодеяния. Она никогда уже больше не будет считаться потенциальным другом, но лишь безжалостной мощью, и ее символом станет не рог изобилия, а скорее колесо, катящееся неумолимо, или же неуклонно наступающие волны морского прилива (177—179).

Эта новая точка зрения на Фортуна изменила и значимость этого понятия. Произвольностью своих действий, отсутствием интереса к человеческим заслугам при распределении даров Фортуна заслужила представление, что ее внимание вовсе не стоит людских хлопот, а желание чести и славы означает, как это утверждает Боэций, «просто ничто» (221). Она, таким образом, направляет наши шаги прочь с тропы славы, заставляя искать счастья за пределами земной тюрьмы, в мире горнем. Но это также значит, что, несмотря на капризный характер тирана, Фортуна изначально есть «божья служанка», проводник милостивого божественного провидения. Она являет замысел Бога показать нам, что «счастье состоит не только в приятных событиях смертной жизни», и учит нас презирать дела мирские, желать небесного воссоединения свободной от бремени земной суеты души (197, 221). Именно поэтому, делает Боэций заключительный вывод, Господь доверил контроль над мирскими благами бездумным рукам Фортуны. Его цель — вложить в нас понимание того, что важность личности не может быть достигнута богатством, властью титула, почестями или фимиамом славы (263).

Попытка Боэция соотнести Фортуна с провидением была благосклонно принята в литературе ренессансной Италии. Эта тема лежит и в основе рассуждений Данте о Фортуне в кантоне VII «Ада», а также является темой сочинения Петрарки «Против всякой Фортуны». Воскрешение ценностей античности в эпоху Ренессанса обнажило необходимость разделять Фортуна и Рок, и способствовало формированию представления о Фортуне как о «божьей служанке» (*ancilla dei*).

Это стало возможным благодаря изменившейся точке зрения на исключительность человеческой природы — ее совершенства и величия. Традиционно «в распоряжение» людей отдавалась бессмертная душа, однако в работах Петрарки и его последователей все более прослеживается тенденция переносить акцент на свободу воли. Полноту человеческой свободы ограничивает представление о Фортуне как о неумолимой силе. В связи с этим мы встречаем тенденцию отвергать любое предположение о том, что Фортуна — посланник провидения. Яркий пример тому — нападки Пико делла Мирандола на астрологию, где, по его убеждению, человеку внушаются ложные представления о том, что наша Фортуна неотвратно прописывается нам положением звезд в момент рождения. Ниже мы увидим, как широко распространилось и более оптимистическое мнение: «Если наши усилия достичь величия не увенчались успехом, вина заключается не в наших звездах, а в нас самих» (так говорит Шекспир одному из своих героев, Бруту, устами другого персонажа — Кассио).

Когда окончательно сформировалось новое представление о понятии «свобода», итальянские гуманисты XV века уже смогли полностью реконструировать античное представление о роли Фортуны в людских делах. Описание этого мы находим в трактате Леона Баттисты Альберти «О семье» (*Della famiglia*), в работе Джованни Понтано «О счастье», а также в самой выдающейся работе того времени — в трактате Энеа Сильвио Пикколомини⁷ 1444 года «Сон о Фортуне». Автор последнего рассказывает, как его ведут по царству Фортуны, где он встречает саму богиню, которая

⁷ Он же — папа римский Пий II.

соглашается отвечать на вопросы. Фортуна допускает, что исполняет собственную волю осознанно, поскольку на вопрос «Как долго ты можешь оставаться благосклонной к людям?» отвечает: «Долго — ни к кому!» Однако она далека и от равнодушия к заслугам людей и не отрицает предположения, что есть искусства, которыми нужно овладеть. На вопрос, какие человеческие качества ей нравятся более всего, а какие она не любит, Фортуна отвечает, что благоволит храбрым, — «те же, кто не смог явить отвагу, ненавистны мне более остальных»*.

В предпоследней главе трактата «Государь» Макиавелли рассуждает о роли Фортуны в делах людей, излагает собственное отношение к вопросу, показывая себя типичным носителем идей гуманистов. Макиавелли начинает главу напоминанием: людские поступки управляются Фортуной и Богом; затем он замечает, что «у нас нет лекарства против разнообразия проявлений мира, поскольку абсолютно все предопределено провидением» (84). В противопоставление христианскому представлению, Макиавелли выбирает понимание свободы, каким оно было в античности, и допускает, что человеческая свобода далеко не беспредельна, коль скоро велико могущество Фортуны, которая «даже может повелевать нашими действиями». Он настаивает, что считать судьбу всецело зависящей от Фортуны было бы уничтожением самого понятия «свобода», а «Бог не хочет делать все сам, чтобы не лишать нас нашей свободы и нашей собственной гордости». Политик делает вывод, что примерно половина наших поступков изначально

* Aeneas Sylvius Piccolomini, 'Somnium de Fortuna' in *Opera Omnia* (Basel, 1551), p. 616.

находится исключительно под нашим контролем и не во власти Фортуны (84—85, 89).

Самая красочная иллюстрация того, насколько человек способен почувствовать себя творцом судьбы, снова почерпнута из образцов античности. Он настаивает, что «Фортуна — это женщина» и, следовательно, готова соблазниться истинно мужскими качествами (87). Поэтому Макиавелли видит возможность стать союзником богини, изначально научившись действовать в гармонии с ее мощью и нейтрализуя изменчивость ее натуры.

Эта идея приводит Макиавелли к основному вопросу римских моралистов: что такое мы можем придумать, чтобы соблазнить Фортуну, чтобы она одарила нас своей улыбкой? Он отвечает точно теми словами, к которым прибегал ранее: делает акцент на том, что Фортуна — друг отважных, тех, кто «менее осторожен, зато более напорист». Он также развивает точку зрения, что самый большой отклик у Фортуны находят истинно мужские качества. Сперва следует замечание, что сильнее всего гнев богини способен вызвать отсутствие храбрости, а поскольку присутствие мужского начала служит заслоном против напора ее гнева, она направит свою страсть туда, где, по ее мнению, «нет преград и препятствий». В своих рассуждениях Макиавелли двигается еще дальше — он предполагает, что Фортуна являет всю мощь своего гнева тогда, когда человек не сумел явить ей мужскую доблесть, — подразумевая, что богиню настолько способны воодушевить упомянутые качества, что она никогда не направит на счастливого, сумевшего продемонстрировать их, свои смертоносные стрелы (85, 87).

Кроме того что Макиавелли повторяет подобные аргументы классических авторов, он рассматривает их с неожиданного ракурса — эротического, имея в виду, что Фортуна может получать удовольствие от своего рода извращения: ей нравятся те, кто обходится с ней наиболее жестко. Макиавелли не только утверждает, что «Фортуна — женщина, и обращаться с ней надо грубо», но и добавляет к этому, что она на самом деле «более склонна подчиняться тем мужчинам, которые обращаются с ней нагло и без церемоний» (87).

Предположение о том, что великие мужи могут снискать расположение Фортуны именно таким образом, иногда считают сугубо макиавеллевским, но здесь политик обращается к уже известным примерам. Идея о том, что Фортуне может противостоять сила, была выделена Сенекой, а Пикколомини в трактате «Сон о Фортуне» уже исследовал эротическую сторону этого представления. Когда он на страницах своего труда спрашивает богиню: «Кто долее других способен находиться с тобой?» — та отвечает, что больше всего ее привлекают мужчины, которые «могут удерживать мою мощь наравне с собственным величием духа». А когда он, в конце концов, осмеливается спросить: «Кто более всего тебе угоден из живущих?» — она отвечает, что смотрит с презрением на тех, «кто бежит от нее», ее более всего волнуют «обращающие ее в бегство»*

Если истинные мужи способны обуздать Фортуну и так достичь своих целей, следующим вопросом, который стоит

* Aeneas Sylvius Piccolomini, 'Somnium de Fortuna' in *Opera Omnia* (Basel, 1551), p. 616.

задать, будет вопрос о том, какие цели должен ставить перед собой недавно избранный государь. Макиавелли начинает с минимума условий и приводит высказывание, которое рефреном проходит через весь текст «Государя»: основной целью нового правителя должно стать *mantenere la stato*, — то есть он должен сохранять имеющееся положение дел и особенно держать под контролем существующую систему государственного правления. Но наряду с этим, однако, есть и более отдаленные цели, и, обращаясь к ним, Макиавелли вновь раскрывает себя как истинного наследника мыслителей Рима. Политик принимает за аксиому представление, что все люди превыше всего хотят быть осыпанными дарами Фортуны, и поэтому полностью отвергает ортодоксальное христианское размышление (развиваемое, к примеру, святым Фомой Аквинским в труде «Правление государей») о том, что хороший правитель должен избегать искушения мирской славой, богатством и искать награды небесной. Наоборот, для Макиавелли очевидным является то, что высшей наградой людям в их стремлении помериться силой должны стать слава и богатство — два прекрасных дара, которыми может наделить Фортуна (85).

Как и мыслители Рима, Макиавелли отмечает обвинение в том, что сильные мира сего в первую очередь ищут только богатства. Самой благородной целью для «прозорливого талантливому государя» должна стать организация государственного правления, способная принести ему честь и славу (87). Для избранных в первый раз, добавляет политик, даже существует возможность снискать «двойную славу» — у них появляется шанс не только быть избранным на правление, но и укрепить его «справедливыми

законами, надежными союзниками и наглядными действиями» (83). Достижение мировой славы и почета для Макиавелли есть высшая цель, ничуть не менее, чем для Ливия и Цицерона. Когда в последней главе трактата «Государь» политик задается вопросом, являются ли условия правления в Италии благоприятными для успеха недавно избранного правителя, он рассматривает только такую ситуацию, когда на трон приходит истинный муж, стремящийся «переплавить себя в форму, способную принести ему славу» (87). Когда Макиавелли восхищается Фердинандом Испанским (правителем, которого он уважает больше всего из современных государственных мужей), он имеет в виду, что тот «сотворил великие вещи и благодаря этому снискал славу самого известного правителя в истории христианства» (76).

Таких целей, считает Макиавелли, достичь непросто даже в случае максимального облегчения задачи — например, когда правитель наследует трон (6). А уж если муж становится государем благодаря расположению Фортуны, их особенно трудно реализовать. Удержать бразды правления сложно, новому государю нужно время, чтобы «пустить корни», и он может быть особенно быстро скинут при первом же неблагоприятном движении Фортуны (23). Он не может — а лучше сказать, не должен — рассчитывать на то, что благосклонность Фортуны будет продолжаться бесконечно, ее фавор есть самая ненадежная вещь на свете. Следующим вопросом для такого правителя, самым главным, как считает Макиавелли, должно стать определение принципов и правил, последовательно следуя которым он сможет укрепить свое положение на троне (83). Остальная часть трактата посвящена именно этой проблеме.

Революция Макиавелли

Совет политика государю содержит две части. Первым основным замечанием стало следующее: «Основа любого государства — это хорошие законы и хорошая армия». Более того, хорошая армия более важна, чем хорошие законы, потому что «невозможно иметь достойные законы, если армия слабая», а там, «где крепкая армия — справедливые законы» (42—43). Мораль такова (и она выводится Макиавелли со свойственной ему резкостью): мудрый правитель не имеет никакой другой цели и заботы, кроме как «война, методы и стратегии ее ведения» (51—52).

Далее Макиавелли уточняет, что армии бывают двух типов: наемная и милиционная, или собственная, армия. В Италии почти повсеместно практиковалась служба наемников, однако Макиавелли в главе XII с яростью обрушивается на такую систему. «На протяжении многих лет ситуация в Италии контролировалась наемной армией, и результаты этого ужасающи. Весь полуостров захвачен Карлом, разграблен Людовиком, разорен Фердинандом и без конца подвергается набегам швейцарцев» (47). От наемной армии больше нечего ожидать, поскольку она «бесполезна и даже опасна». Наемники «разъединены, амбициозны, недисциплинированы и ненадежны», а их «стремление уничтожить вас всего лишь вопрос времени» (43). Для Макиавелли этот факт является очевидным, и он особенно страстно излагает свои мысли по этому поводу в главе XIII. Мудрый правитель «всегда будет избегать такой армии и будет стремиться сформировать войска из своих собственных граждан». Политик настолько остро переживает эту ситуацию, что приводит совсем уж абсурдный аргумент:

государь «должен предпочесть скорее проиграть войну со своими собственными войсками, чем прибегать в сражениях к помощи воинов-иностранцев» (49).

Подобная горячность нуждается в некотором объяснении, особенно ввиду того, что большинство историков пришли к выводу, что система наемной армии обычно достаточно эффективна. Возможно, что политик просто следовал в этом вопросе устоявшейся ученой традиции. Считалось, что быть истинным гражданином — значит нести оружие в защиту своей страны, и эта точка зрения приводилась Ливием и Полибием, а также Аристотелем, ее придерживалось несколько поколений флорентийских гуманистов после того, как Леонардо Бруни и его последователи обратили на нее внимание. Было бы странно, однако, если бы Макиавелли следовал мнению уважаемых им авторитетов настолько раболепным образом. Вероятнее всего, он в основном имел перед глазами картину разорения своего родного города, который, несомненно, страдал от бесчинств командования наемных войск во время затянувшейся войны с Пизой. Но не только военная кампания 1500 года была ужасной катастрофой — похожее по масштабу фиаско случилось, когда Флоренция начала новую интервенцию в 1505 году: командиры десяти наемных военных частей подняли бунт в самом начале наступления, и подавить его сумели только через неделю.

Макиавелли с ужасом обнаружит, что во время катастрофы 1500 года французы высмеивали флорентийцев за их слабую военную подготовку, а особенно за их неспособность заставить жителей Пизы повиноваться. После повторившегося поражения в 1505 году политик решил

взять ситуацию в свои руки и разработал детальный план замены наемной армии на милиционную, состоящую из граждан Флоренции. Главный консул предварительно принял это предложение в декабре 1505 года и уполномочил Макиавелли начинать рекрутирование. К февралю тот уже был готов провести в городе первый парад армии — зрелище, которое с восторгом наблюдал и потом описал в хрониках Лука Ландуччи: «все считали, что это было самое прекрасное событие, когда-либо происходившее во Флоренции»*. Летом 1506 года Макиавелли написал труд «Почучение о пехоте», в котором делал специальный акцент на том, что «совсем не приходится полагаться на наемную иностранную армию», и доказывал, что «город должен обороняться оружием собственных граждан» (3). К концу года Макиавелли смог окончательно убедить главного консула, и во Флоренции был основан новый государственный институт — милиционный Совет Девяти. Макиавелли стал секретарем этого института; так постепенно был реализован заветный идеал гуманистов Флоренции.

Можно предположить, что энтузиазм Макиавелли в отношении милиционной армии несколько остыл после ее поражения в 1512 году. Войска были посланы на защиту Прато, где без особых усилий их отбросило наступление испанской пехоты. Однако уверенность Макиавелли в правильности своей политики не исчезла полностью — спустя год на заключительных страницах трактата «Государь» он продолжал уверять Медичи, что «важнее всего экипировать Флоренцию ее собственной армией» (90). В своей

* Luca Landucci, *A Florentine Diary from 1450 to 1516*, trans. A. Jervis (London, 1927), p. 218.

работе «Искусство войны» (единственном труде по государственному управлению, опубликованном при жизни), в 1521 году Макиавелли продолжал повторять те же аргументы. Вся книга I посвящена доказательству преимуществ «гражданской армии» в глазах тех, кто все еще мог в этом сомневаться (580). Политик допускает, конечно же, что такой способ организации армии не идеален, но настаивает, что он все равно имеет преимущества перед остальными принципами (585). В заключение политик делает экстравагантный вывод: разумный человек, если он только сомневается в идее гражданской армии, изначально ошибается (583).

Теперь мы можем понять, почему Макиавелли был так впечатлен Чезаре Борджиа как военным командующим. В работе «Государь» политик настаивает, что лучшего примера для только что взошедшего на престол правителя, чем поведение герцога, быть не может (23). Дело в том, что Макиавелли присутствовал при том моменте, когда Борджиа принял безжалостное решение уничтожить лейтенантов-наемников и заменить их собственными людьми. Эта смелая стратегия, по-видимому, оказала решающее воздействие на формирование представлений Макиавелли. Он вернется к вопросу военной политики в главе XIII «Государя», считая идею формирования гражданской армии прекрасной иллюстрацией действий, которые любой недавно избранный государь должен предпринять в первую очередь. Более всего Борджиа восхваляется за то, что без малейших колебаний посчитал наемных командующих предателями, достойными безжалостного уничтожения. Макиавелли даже преувеличенно хвалит его за то, что он так быстро воспринял уроки, которые должен выучить любой

новый государь, если желает удержать власть во вверенном ему государстве. Он должен перестать полагаться на Фортуны и оружие чужеземцев, поднять собственных солдат «и стать полновластным хозяином своих собственных военных сил» (25—26, 49).

Армия и личность — две основные темы трактата «Государь». Следующая мысль, которую Макиавелли стремится донести до правителей своего времени, — что, помимо исправной армии, государь, желающий взойти по ступеням славы, нуждается в соответствующих качествах лидера, которые и должен воспитать в себе. Природа таковых качеств была всесторонне описана мыслителями Рима. Они утверждали, что в первую очередь все великие правители должны быть любимцами Фортуны. Если только Фортуна не благоволит к человеку, его собственные усилия не помогут ему достичь заветной цели. Однако, как мы уже знаем, есть целый ряд качеств (одно из которых *vir* — средоточие мужественности), особенно привлекательных для Фортуны, и, таким образом, их наличие гарантирует нам честь и славу среди людей. Эта мысль наиболее объемно доказана Цицероном в работе «Тускуланские беседы». Он утверждает, что, если мы действуем исключительно из собственной необходимости поступать мужественно, «реализовать» *virtus*, и не допускаем ни малейшей мысли снискать в результате славу, то слава нас и не минует, Фортуна нам улыбнется. Итак, для славы необходима *virtus* (I.38.91).

Эти рассуждения основываются на идеях гуманистов Италии эпохи Ренессанса. К концу XV века стал чрезвычайно популярным жанр наставлений гуманистов-мыслителей своим государям, а с появлением печатных книг он

завоевал еще большую аудиторию. Такие выдающиеся авторы, как Бартоломео Сакки, Джованни Понтано и Франческо Патрици писали трактаты для государей, и в основе всех лежала одна и та же мысль — обладание *virtus* есть ключ к успешному правлению. Как Понтано гордо заявляет в своем отзыве о работе «Государь», любой правитель, желающий окончить свои дни в чести и славе, «должен следовать диктату собственной *virtus* во всех без исключения публичных действиях». *Virtus* есть «самая прекрасная вещь на свете, даже более чудесная, чем солнце, поскольку солнце недоступно слепым, зато доблесть можно лицезреть в ее полной красе абсолютно всем»*.

Вслед за гуманистами Италии Макиавелли не устает повторять, что существует взаимосвязь между *virtú*, Фортуной и успехом в управлении государством. Первый раз он поясняет эту мысль в главе VI трактата «Государь», когда утверждает, что «если новый государь приступит к управлению государством, успех решения проблем, с которыми он столкнется, напрямую будет зависеть от того, насколько велика его *virtus*» (19). В главе XXIV это утверждение он подкрепляет доказательствами, объясняя, «почему правители Италии теряли принадлежавшие им государства» (83). Политик настаивает, что в этом нельзя винить Фортуну, поскольку «она всего лишь демонстрирует свою мощь» тем мужам, которые не в состоянии ей противостоять (84, 85). Их несчастья происходят только благодаря тому, что они не осознали, что «эффективная, четкая и постоянная» защита от бед базируется на собственной

* Giovanni Pontano, "De principi" in *Prostori Latini del Quattrocento*, ed. E. Garin (Milan, n. d.), p. 1042—1044.

virtú (84). Роль *virtú* вновь обсуждается в главе XXVI, завершающей трактат и по сути являющейся страстной проповедью — призывом к возрождению Италии. В этом месте Макиавелли обращается к примеру лидеров, борцов, чья выдающаяся доблесть была высоко оценена им еще в главе IV: Моисея, Кира и Тезея (20). Он имеет в виду, что единение выдающихся личных качеств с величием Фортуны и спасет Италию. Также Макиавелли добавляет — в несвойственной для него манере лести, — что славный род Медичи является счастливым обладателем всех необходимых качеств: у них есть исключительная *virtú*, им благоволит Фортуна; кроме того, Медичи обласканы Господом и церковью (88).

Часто можно встретить сетования о том, что Макиавелли не сумел дать определения *virtú* и пользуется словом не вполне систематично. Тем не менее сегодня становится очевидным, что он употреблял это понятие совершенно последовательно. Вслед за классическими и ренессансными авторами он считает *virtú* набором качеств, позволяющим государю противостоять ударам Фортуны, привлекать расположение этой богини и способность подняться на высоту величия своего сана, снискав себе славу, а своему государству благоденствие.

По-прежнему нет исчерпывающего ответа на вопрос, какие свойства присущи мужу, обладающему *virtú*. Римские авторы оставили развернутый анализ концепции *virtus*, живописав мужа, которому подлинно присуще это свойство, носителем исключительного набора качеств. В первую очередь, он должен быть наделен четырьмя «главными» добродетелями: мудростью, справедливостью, отвагой

и сдержанностью — добродетелями, которые Цицерон вслед за Платоном выделил в первой главе трактата «Об обязанностях». Также писатели Рима наделяют человека, обладающего *virtú*, дополнительным набором качеств, обладание которыми позднее стали считать исключительно «монаршей» привилегией. Главным из них — Цицерон говорит об этом на страницах своего труда — считается «прямодушие», или стремление быть верным своим убеждениям и поступать честно во всех без исключения случаях. Это качество должно было дополняться двумя другими (оба были также описаны в труде «Об обязанностях» и потом тщательно проанализированы Сенекой, посвятившим каждому из них специальный отдельный труд): 1) великодушие монарха — качество, обсуждаемое в работе Сенеки «О милосердии», 2) щедрость — свойство, ставшее главной темой работы «О благодеянии».

И наконец, истинный муж должен полностью отдавать себе отчет в том, что, стремясь снискать честь и славу, необходимо проявлять максимальную *virtú*. Представление о том, что для того, чтобы быть добродетельным, необходимо поступать целесообразно, лежит в основе трактата Цицерона «Об обязанностях». В книге II он говорит: «многие мужи уверены, что поступок может быть добродетелен, не будучи при этом рациональным, и, наоборот, может быть рациональным и не обязательно добродетельным». Однако, считает Цицерон, это иллюзия, поскольку только добродетельными поступками можно достичь целей, к которым стремишься. Все убеждения в обратном обманчивы, потому что целесообразность, выгодность никогда не вступает в противоречие с незыблемыми моральными устоями (II.3.9—10).

Подобные мысли всегда приводились в книгах, предназначенных для правителей ренессансного времени. Государь выдвигали данную идею основой своего правления, считая, что исполнение *virtus* включает следование целому перечню главных государевых добродетелей. Этот перечень они уточняли и выделяли в нем малейшие нюансы. Так, например, в трактате Патрици «О воспитании монарха» мы находим всеобъемлющее представление о *virtus* как о свойстве, состоящем из более чем сорока добродетелей, которые правитель должен стремиться исполнить. Далее: правители должны без колебаний принимать мысль о том, что целесообразность, выгода поступка обуславливается его *virtus* — недаром стала нарицательной поговорка: «честность — лучшая политика». И в конце концов, в эту идею было привнесено христианское представление о том, что невозможно разьединение выгоды и морали. Если мы достигаем своих целей путем свершения неблагоприятных поступков, мы должны ожидать, что призрачный успех может быть в момент рассеян справедливым возмездием — божественным вмешательством в нашу жизнь.

Обращаясь к трактатам на тему морали, написанным современниками Макиавелли, мы видим, что их примеры и доказательства вышеприведенного аргумента непрерывно повторяются. Однако в труде «Государь» обнаруживается, что этот принцип гуманистической морали критикуется автором, и достаточно резко. Отступление от общепринятой точки зрения происходит в главе XII, когда Макиавелли начинает рассуждать на тему грехов и добродетелей правителя и в определенный момент предупреждает: «Мне прекрасно известно, что писали об этом многие великие люди, но то, что я собираюсь заявить, отличается от традиционных

представлений». Политик ссылается на общие факты, которые описаны в трудах известных гуманистов — на то, что существует целый перечень добродетелей государя, который включает такие свойства натуры, как свободомыслие, милосердие, правдивость. Макиавелли также говорит о том, что долг государя — развивать в себе эти качества. После чего — пока еще находясь в рамках гуманистической традиции христианства — он выказывает предположение о том, что самым достойным поведением для государя должна стать его способность проявлять подобные качества во всех без исключения случаях. Но затем он полностью опровергает главное утверждение гуманистов о том, что такие качества надо стремиться приобрести лидеру, который желает достичь высших целей. Это убеждение — нерв и корень всех гуманистических работ, обращенных к сильному мира сего, — Макиавелли считает очевидной и грубейшей ошибкой. Он, конечно, согласен с тем, что достойного результата необходимо добиваться, и всякий правитель должен стремиться снискать себе славу, но считает, что никакой правитель не обладает полным набором этих положительных качеств, а тем более не применяет их в достаточной мере. Государь, по мысли Макиавелли, должен защищать свои интересы в несправедливом и беспринципном мире. Если же правитель будет действовать в некоторых ситуациях исходя из гуманистических принципов морали, а не по закону, то «он скорее ослабит свою власть, чем укрепит ее» (54).

Критика Макиавелли классических и современных ему постулатов гуманизма изложена в уничтожающе ясной форме. Макиавелли спорит с утверждением о том, что если правитель хочет достичь высшей цели, он должен сознавать,

что эта цель не обязательно будет рациональна, но всегда — моральна. Наоборот, любая сознательная попытка культивировать добродетели государя непременно окажется крайне неразумной (62). Но что в таком случае делать с точкой зрения христианской морали, согласно которой грядет день Высшего Суда, в который люди будут наказаны за все неблагоприятные деяния? Об этом Макиавелли не говорит ничего, и его молчание крайне красноречиво, даже можно сказать, становится своего рода выразителем эпохи; оно эхом прокатится по всей христианской Европе, и сначала ответом ему будет ошеломленная тишина, а затем — хор проклятий, который не умолкнет до наших дней.

Если государи не должны вести себя в соответствии с требованиями общепринятой морали, то как же еще им себя вести? Ответ Макиавелли — и в этом заключается суть его категоричного совета вновь избранному правителю — дается в самом начале главы XV. Мудрый правитель станет руководствоваться требованием обстоятельств: если он желает удержать власть, он «должен всегда быть готов действовать безнравственно, если того требуют обстоятельства» (55). Еще через три главы эта основная мысль повторяется. Мудрый правитель поступает хорошо, когда он может это сделать, но когда возникает необходимость, он, государь, «должен обуздать себя и быть готов действовать противоположным образом». Более того, государь обязан примириться с мыслью о том, что для того, чтобы удержать власть, обстоятельства будут часто заставлять его поступать «жестоко, предательски и негуманно» (62).

Как мы видим, важность этой идеи Макиавелли осознал еще в самом начале своей дипломатической карьеры.

Произошло это после разговора с кардиналом Вольтерры в 1503 году, также на него повлияла встреча с Пандольфо Петруччи, произошедшая примерно два года спустя. Тогда у Макиавелли и возникло желание записать мысли, впоследствии ставшие основой его политических воззрений. Воззрений, в частности, касающихся признания важности влияния обстоятельств на успешное правление, принятия диктата необходимости и соотнесения, гармонизации своих действий и текущего времени. Спустя год Пандольфо доверил ему свой рецепт успешного властвования, и Макиавелли выдвинул ряд подобных наблюдений, поначалу выдавая их за собственные идеи. Остановившись в Перудже в сентябре 1506 года, наблюдая неровный, лихорадочный успех военной кампании папы Юлия II, он задумчиво размышляет в письме к другу Джовану Содерини о причинах триумфа и разгрома военных предприятий. «Природа, — утверждает Макиавелли, — каждому дала определенный талант и способность воодушевляться. Однако времена меняются, и те люди, которые не смогли внести изменения в свое поведение, будут вынуждены сносить не только улыбки Фортуны, но и ее удары». Вывод здесь очевиден: если человек желает всегда оставаться любимцем Фортуны, «он должен быть достаточно мудр, чтобы уметь приспособить себя к собственной эпохе». И в самом деле, тот, кому приходилось постигать собственную натуру и «соотносить свою жизнь с требованием времени, становился истинно мудрым правителем под покровительством звезд и судьбы» (73).

Спустя семь лет, в момент работы над трактатом «Государь», Макиавелли по существу скопировал эти «Фантазии», как он критически называет свои заметки, в главу,

посвященную роли Фортуны в делах человеческих. Он считает, что каждый стремится следовать в жизни своим собственным влечениям: кто-то предпочитает действовать осторожно, кто-то — порывисто и импульсивно, кто силой, а кто и хитростью. Но, тем не менее, «времена и обстоятельства меняются», и «правитель, который не меняет своей стратегии, в итоге придет к большой печали». Фортуна не изменит своего отношения к тому, кто научился изменять характер и привычки соответственно требованиям обстоятельств. Поэтому успешным будет тот правитель, который «ступает в ногу со временем» (85—86).

Становится очевидным, что революция, учиненная Макиавелли в рамках жанра книг — наставлений государям, основывалась на эффекте переосмысления ключевого понятия *virtú*. Макиавелли подтверждает общепринятое утверждение о том, что *virtú* есть наименование сочетания качеств, позволяющих государю вступить в союз с Фортуной для того, чтобы снискать честь, славу и почет. Автор разделяет значение этого термина с представлением о том, что оно непременно должно иметь отношение к морали. Макиавелли утверждает, что истинно добродетельный государь должен выказывать стремление действовать соответственно диктату обстоятельств, независимо от того, будут ли его действия злом или добром — но с тем, чтобы достичь высших, конечных целей. Поэтому *virtú* точно обозначает моральную гибкость государя: «Он должен быть готов к тому, чтобы менять политику, как меняется ветер Фортуны, как вынуждают его обстоятельства» (62).

Макиавелли сам пострадал от сделанного им вывода, который воздвиг непреодолимую стену между ним и всей

традицией гуманистической политической мысли, тем более что он излагал свои тезисы в самом жестком, ироничном стиле. Для моралистов классического периода и их бесчисленных последователей моральная добродетель являлась неотделимой характеристикой истинного мужа. Отказаться от такой добродетели означало не только поступить неблагоразумно, это также говорило об отказе от статуса человека и принижало личность до положения животного. Как Цицерон написал в своей книге «Об обязанностях», существует два способа ошибиться, совершая какой-либо поступок, — это действовать силой или при помощи обмана. Оба пути, по его утверждению, «животные», и «недостойны человека»: сила характеризует льва, хитрость — прерогатива лисицы (I.13—41).

Для Макиавелли, наоборот, было очевидным, что одних человеческих добродетелей явно недостаточно. Существует два пути действия, как он заявляет в самом начале главы XVIII: «первый подходит людям, второй — животным». Но поскольку первый способ часто оказывается неэффективным, приходится прибегать и ко второму (61). Одной из задач для государя в этом случае становится выбор, какому животному надо подражать. Знаменитым советом Макиавелли станет следующий: для политика лучшим будет, если он сумеет повторить обоих — и льва и лисицу, — тем самым обогатив представление о человеческом достоинстве такими животными свойствами, как сила и обман (61). Эта мысль подчеркивается в следующей главе, в которой Макиавелли рассказывает об одном из своих любимых исторических персонажей — римском императоре Септимусе Северусе. Сначала он убеждает нас, что этот вождь был человеком выдающейся *virtú* (68).

Затем, объясняя свое мнение, добавляет, что исключительными качествами Септимуса были те, которые характеризуют поведение «жестокоего льва и хитрой лисицы», в результате чего все окружающие его боялись и уважали (69).

Макиавелли завершает свой анализ описанием линии поведения, которой должен придерживаться истинно добродетельный, *virtuoso*, правитель. В главе XIX он описывает качества, которые отрицательно влияют на поведение государя и даже могут сделать его предметом ненависти подданных (63). Глава XXI касается положительных черт поведения. Правитель, следующий всем этим советам, всегда будет находиться далеко впереди, независимо от того, воспринимают ли его как благодетеля или злейшего врага. Одновременно он будет уверен, например, как Фердинанд Испанский, что являет собой наивысшую степень величия и вершит «великие дела», держа подданных в состоянии напряжения и изумления, как они того ожидают.

В свете этого мнения легко понять, почему Макиавелли так восхищался Цезаре Борджиа и считал его — правда, с некоторыми оговорками — образцом государя, примером для тех правителей, которые только взойшли на престол. Борджиа продемонстрировал (в одной из ситуаций, когда ему пришлось поступить крайне жестоко), что он прекрасно понимает первостепенную важность того, что нужно избегать ненависти людей и в то же время не переставать держать их в благоговейном трепете. Эта ситуация имела место, когда Борджиа понял, что город-государство Романья, управляемое способным, но жестоким Рамиро де Орко, оказалось в серьезной опасности — главу провинции стали ненавидеть его же подданные. Макиавелли был

свидетелем того, как Борджиа хладнокровно разрешил дилемму — распорядился прикончить Де Орко и выставить его тело на площади, принеся тем самым жертву народной ненависти (77).

Уверенность Макиавелли в том, что необходимо действовать властно для того, чтобы избежать ненависти и презрения, родилась именно в этот момент. Действия герцога подкрепили его собственное ощущение политической реальности, и нет никаких сомнений, что этот эпизод глубоко поразил его. Когда он приступает к обсуждению концепции *ненависти и презрения* в трактате «Государь», для иллюстрации своих мыслей он описывает именно этот случай. Ясно, что действия Борджиа натолкнули его на размышления о том, что такой правитель может быть полностью прав. Поступок был решительным, он требовал смелости, он привел к желанному результату, поскольку «оставил народ и удовлетворенным, и пораженным» одновременно, убрав причину его ненависти. Резюмируя, Макиавелли ледяным тоном замечает, что такая политика не только заслуживает того, «чтобы о ней стало известно», но и должна стать «примером для подражания» (26).

Новая мораль

Макиавелли прекрасно осознавал, что его неординарное представление добродетелей государя вызовет ряд сложностей. Основная дилемма рассматривается в главе XV. С одной стороны, правитель, желающий укрепить свою власть, должен быть готов к тому, что придется действовать аморально, если возникнет такая необходимость. В то

же время, он должен внимательно следить за тем, чтобы не снискать репутацию злодея, ибо это разрушит его силу, вместо того, чтобы защитить ее (55). Хитрость заключается в том, что надо не показаться жестоким тогда, когда придется жестоко действовать.

Более того, проблема стоит даже острее, чем может показаться сначала, поскольку настоящая цель государя — не только защитить свою власть, но еще и снискать себе честь и славу. Чтобы проиллюстрировать, в какое затруднительное положение может попасть правитель, в главе VIII Макиавелли рассказывает историю Агафокла Сицилийского. Агафокл вел «крайне беспутную жизнь», и стал известен благодаря своему жестокому, негуманному поведению. Эти качества позволили ему приобрести огромный успех, дали возможность подняться выше своего низкого, презренного происхождения и стать царем Сиракуз, правя долго и без единого случая гражданского возмущения (30—31). Но, как нас предупреждает Макиавелли (и в этот момент он крайне прозорлив), такая откровенная жестокость «может дать нам силу, но не славу». Хотя Агафокл и смог удержать власть в своем государстве при помощи подобных качеств, они не могут считаться добродетелью, *virtú*, и только воспрепятствуют его возможности оказаться в сонме великих мужей человечества (31).

Макиавелли считает, что дилемму нельзя разрешить, например, задав границы государевой жестокости, а также оправдав эту жестокость тем, что в большинстве остальных случаев правитель ведет себя достойно при достижении своих целей и в отношении к своим соратникам. Именно этого, говорит Макиавелли, и не стоит допускать, потому

что люди во все времена остаются «неблагодарными, неверными притворщиками и лицемерами, трусливыми и стремящимися к наживе», поэтому «правитель, полностью полагающийся на их обещания и не прибегающий при этом к способам себя обезопасить, будет свергнут» (59). Этим подразумевается, что правитель, а тем более правитель вновь избранный, достаточно часто — а не от случая к случаю — будет вынужден действовать вразрез с принципами гуманности, если он хочет удержать власть и избежать предательства... (62).

Это — основные сложности, и их необходимо преодолеть. Государь должен помнить, что ему неминуемо придется проявлять качества, которые относятся к «хорошим». Желательно, чтобы правителя считали великодушным; ему разумно казаться милосердным и не жестоким; важно быть достойным похвалы (56, 58, 64). Решение здесь таково: надо стать великим притворщиком и лицемером, приобрести повадки «хитрого обманщика» и заставить людей поверить в собственное притворство (61).

Макиавелли считает, что овладение искусством «хитрого обмана» есть самый главный урок. Как мы помним, Макиавелли присутствовал в момент развития противостояния между Чезаре Борджиа и папой Юлием II в конце 1503 года, и совершенно очевидно, что впечатления от тех событий занимали в его голове значительное место, особенно когда в своем трактате он приступил к теме притворства. Макиавелли обращается к эпизоду, которому был свидетелем, и использует его для того, чтобы показать, насколько надо быть осторожным, когда имеешь дело с государем — его действия всегда могут быть двуличны.

Юлий II, напоминает Макиавелли, смог скрыть свою ненависть к Борджиа так умно, что герцог допустил грандиозную ошибку, поверив, что «новые перспективы могут заставить сильных мира сего забыть былые обиды» (29). Юлий II смог найти отличное применение своему таланту к притворству, — став папой при поддержке Борджиа, он внезапно обнаружил свои подлинные чувства, обернувшись против герцога и послужив причиной его оглушительного падения. Борджиа в этот момент допустил грубейшую ошибку, и Макиавелли считает, что в этом заключается его вина. Герцог должен был знать, что дар обмана есть главное оружие успешного правителя (34).

Макиавелли не мог не понимать, однако, что его рекомендация овладеть искусством обмана и тем самым получить ключ к успеху ставила его в опасность прослыть словоблудом. Более ортодоксальные авторы всегда были готовы рассмотреть предположение о том, что лицемерие может проложить короткий путь к славе, но всегда отвергали такую возможность в реальности. Цицерон, например, детально проанализировал эту идею в книге II трактата «Об обязанностях», и только для того, чтобы доказать ее полнейшую абсурдность. Любой, заявляет он, кто «думает, что он может снискать громкую славу, притворяясь», «очень сильно ошибается». Причина в том, что «настоящая слава всегда пускает глубокие корни и широко распространяется», тогда как «слава притворщиков вскорости опадает на землю, подобно хрупким цветам» (II.12.43).

Как и всегда, Макиавелли отвечает тем, что отвергает эти ревностные сантименты в самой ироничной манере. В главе XVIII он настаивает, что опыт притворства не только есть

неотделимая часть любого государственного правления, но и может поддерживать его, причем так долго, как это может потребоваться. Существует две определенные причины для того, чтобы сделать столь провокационный вывод. Одна из них заключается в том, что большинство людей по своей природе простодушны и бесхитростны и до такой степени склонны к самообману, что абсолютно всё принимают за чистую монету, не утруждая себя никаким критическим анализом ситуации (62). Другая причина того рода, что, когда дело доходит до оценки деяний правителей, даже самые дотошные наблюдатели обречены судить по внешним признакам. Скрытое от глаз простого народа и имеющее высокое назначение положение государя таково, что «люди могут видеть лишь то, что вы пожелаете сделать для них явным», и «только очень немногие имеют настоящее представление о том, кто вы есть на самом деле» (63). Поэтому нет никакой нужды опасаться, что грехи ваши вас выдадут; наоборот, «опытный притворщик легко найдет множество людей, готовых быть обманутыми...» (62).

Следующий вопрос, который анализирует Макиавелли, касается нашего отношения к тем новым правилам, которые он стремится преподать. На первый взгляд, политик стремится соответствовать общепринятым нормам морали. В главе XV политик утверждает, что для недавно избранных государей было бы «самым достойным» демонстрировать качества, которые считаются «хорошими», и приравнивает отказ государя от добродетелей к «началу аморального поведения» (55). Та же шкала ценностей возникает в пресловутой главе «Как правители должны держать свои обещания». Макиавелли начинает с подтверждения, что каждый человек понимает, как прекрасно, когда

«государь правит справедливо и не прибегает к обманам» (61). Он также настаивает, что государь должен не только казаться добродетельным, но быть им настолько, насколько позволяют обстоятельства. «Он не должен отклоняться от прямого пути, пока это возможно, но должен быть готовым вступить на путь неблагоприятных поступков, когда это станет необходимым» (62).

Тем не менее два различных аргумента представлены в главе XV, и каждый из них Макиавелли последовательно доказывает. Первое: он насмешливо интересуется, заслуживают ли качества, которые мы привыкли считать «хорошими», но которые по сути являются разрушительными, названия *virtú*? Поскольку они способствуют разрушению, Макиавелли предпочитает говорить, что они «кажутся добродетельными, *virtuoso*»; а раз обратные этим качества, скорее, укрепляют чье-либо положение, он говорит, что «они только кажутся грехами» (55).

Это положение развивается в двух последующих главах. В главе XVI «Щедрость и скупость» он затрагивает тему, любезную сердцам всех моралистов-классиков, и начинает ее с обсуждения мнений главных авторов того времени. Когда Цицерон говорит о щедрости в трактате «Об обязанностях» (II.17.58 и II.22.77), он определяет это качество как желание «избежать малейшего подозрения в скарденности», а также заявляет, что никакой грех не является более отвратительным в политическом лидере, чем скряжничество и алчность. Макиавелли отвечает на это утверждением, что называемое нами щедростью на самом деле есть не щедрость, а грех. Он утверждает, что правитель, желающий избежать репутации скряги, столкнется с тем,

что ему придется тратить деньги чрезмерно и напоказ. В результате придется обложить всех подданных неподъемными налогами, чтобы оплачивать собственную щедрость, и такая политика скоро сделает правителя предметом ненависти собственных граждан. И наоборот, если он оставит любое желание действовать на широкую ногу, его сперва будут называть скрягой, но в итоге посчитают более щедрым. На деле он явит миру истинную добродетель щедрости (59).

Сходный парадокс обсуждается в следующей главе — «Жестокость и милосердие». Эти два понятия представляют любимые темы римских авторов. Эссе Сенеки «О милосердии» стало самой известной работой на данную тему. Согласно тексту эссе, милосердный правитель всегда продемонстрирует, «насколько тягостно ему прибегать к наказанию подданных», и «он делает это, только когда великие и непрекращающиеся злодеяния переполняют чашу его терпения»; налагать наказание он будет с большой неохотой, оттягивая его как можно дольше и стараясь осуществить в самой милосердной манере (I.13.4, I.14.1, II.2.3). В ответ на эту традиционную точку зрения Макиавелли заявляет, что думать так — серьезно заблуждаться, не понимая самой сути милосердия. Если вы начинаете править, пытаясь быть милосердными, вы «будете попустительствовать развитию беспорядков», и вам все равно придется обратиться к наказаниям, поскольку возрастет число убийств и ограблений. Ваше наказание в ответ на это будет гораздо менее милосердным, чем наказания правителя, у которого хватает храбрости начать правление, в качестве примера разобравшись с зачинщиками смуты. Макиавелли приводит в пример своих земляков-флорентийцев,

которые не хотели выглядеть жестокими, столкнувшись с бунтом, и действовали таким образом, что в результате был разрушен весь город — итог ужасающе более жестокий, чем любая другая намеренная жестокость. Обратным примером становится поведение Чезаре Борджиа, которого «считали жестоким», но чьи суровые меры «установили порядок в Романье, объединив ее, сохранив в ней мир и верность граждан», и все это при помощи «мнимого порока» жестокости (58).

В конце главы Макиавелли рассматривает вопрос с тем же, намеренно обостренным, парадоксом в основе: «Лучше ли быть любимым, чем вселяющим страх, или наоборот?» (59) Ответ в рамках классической традиции дает Цицерон в своем трактате «Об обязанностях»: «Страх — плохой страж длительному властвованию», тогда как любви «можно доверить хранить свою власть вечно» (II.7.23). И снова Макиавелли возражает: «Гораздо более безопасно» для государя править так, «чтобы его боялись, а не любили». Причина заключается в том, что те качества, за которые государя могут полюбить, также могут сделать его объектом презрения. Если ваши подданные не «испытывают ужаса перед наказанием», они будут использовать малейший шанс, чтобы предать вас и соблюсти собственную выгоду. Но если вы проявите себя как правитель, которого надо бояться, вы увидите, насколько легче вам будет удерживать власть над ними (59).

Последующие аргументы в этой главе отражают еще более жесткое отрицание основ гуманистической морали. Макиавелли предполагает, что, даже пренебрегая добродетелями, правитель должен беспокоиться об одном:

NICHOLAS MACHIAVEL'S
P R I N C E.

ALSO,
The life of *Castruccio Castracani*
of *Lucca*.

AND
The meanes Duke *Valentine* us'd
to put to death *Vitellozza Vitelli*, *Oli-*
verotto of *Fermo*, *Paul* and the
Duke of *Gravina*.

Translated out of *Italian* into *English*;
By *E. D.*

With some Animadversions noting
and taxing his errors.

L O N D O N,
Printed by *R. Bishop*, for *Wil: Hills*, and
are to be sold by *Daniel Pakeman*
at the signe of the *Rainbow*
near the *Inner Temple*
Gate. 1 6 4 0

Рис. 3. Титульный лист трактата «Государь», перевод Эдварда Дакра; первое печатное издание

полезно ли это управлению государством и как влияет на удержание власти.

Основная задача, как видит ее автор, — напомнить недавно избранным правителям об их самом главном долге. Мудрый правитель «не должен беспокоиться о том, что он прославится “злыми” деяниями, без которых, как видно, сложно удержать власть». Правитель увидит, что такая — осуждаемая — слава есть неизбежная плата за выполнение принятых на себя обязательств, самое главное из которых — управление вверенным государством (55). Объяснить это можно, прибегнув к такому примеру, как грех скряжничества. Поскольку мудрый правитель уверен, что скупость «есть грех, помогающий править», он перестанет беспокоиться о том, что будет выглядеть скрягой (57). То же самое касается и жестокости. Готовность действовать жестоко в определенных ситуациях первостепенно важна для сохранения порядка в обществе и военных делах. Это значит, что мудрый правитель «не должен беспокоиться, что приобретет славу жестокого правителя», а командующему армией даже задумываться об этом запрещено, поскольку без этой славы «вам не удастся сохранить в войсках единство и готовность к военным действиям» (60).

И наконец, Макиавелли рассматривает вопрос, важно ли для правителя сторониться меньших грехов — грехов плоти, если только он желает править достойно. Авторы книг — наставлений сильным мира сего — обычно рассматривают этот вопрос в сугубо морализирующем ключе, повторяя аргумент Цицерона из первой книги трактата «Об обязанностях» и считая, что пристойность является «основой моральных устоев», и любой человек, стоящий

у горнила власти, должен избегать малейших промахов в управлении собственной жизнью (II.28.98). На это Макиавелли лишь пожимает плечами — мудрый государь, считает он, «должен стремиться избегать таких грехов», если у него получается; если же он видит, что не в силах это сделать, он определенно не будет утруждать себя напрасными сетованиями о таких ординарных пристрастиях (55).

Глава 3

Теоретик свободы

Макиавелли надеялся, что по завершении трактата «Государь» в его политической карьере последует новый поворот. В декабре 1513 года в письме к Веттори он писал, что сейчас его главное стремление — «принести пользу дому Медичи, даже если правители поначалу сделают меня собирателем камней». Он интересовался, насколько возможно реализовать его желание приехать в Рим с «небольшим письменным сочинением», принадлежавшим его перу, которое он собирался преподнести лично Джулиано де Медичи, тем самым выказав готовность «предложить ему мои услуги» (С 305).

Поначалу казалось, что Веттори намерен помочь в осуществлении этого плана. Он ответил, что Макиавелли должен послать книгу ему, для того чтобы он, Веттори, мог решить, достойно ли сочинение быть представленным Медичи (С 312). Когда в указанный срок Макиавелли отправил ему копию первых глав, Веттори написал, что «они необыкновенно понравились» ему, но осторожно добавил: «пока у меня нет остальной части работы, я не желаю выносить окончательного решения» (С 319).

Однако вскоре стало понятно, что надежды Макиавелли вновь разбиты. Прочитав трактат «Государь» в самом начале 1514 года, Веттори зловеще замолчал. Больше он никогда не упоминал о сочинении, вместо этого рассказывая в своих письмах о собственных любовных похождениях. Макиавелли, хотя и старался поддержать в переписке навязанный ему тон, едва скрывал растущее беспокойство. В середине года он понял, что положение безысходно, и с большой горечью написал Веттори, что перестает надеяться и бороться. Стало очевидным, заявляет он, что «мне придется влачить убогое существование, так и не найдя ни одного человека, кто бы вспомнил о моих заслугах или же заставил поверить, что я смогу еще принести пользу» (С 343).

После перенесенных разочарований в жизни Макиавелли наступила чередa изменений. Оставив все надежды на продолжение политической карьеры, он решил реализовать себя как автор эпистолярного жанра. Первым сигналом этому стало его заметное участие, после года «гниения в бездействии», во встречах гуманистов и литераторов, проводимых в поместье Козимо Ручеллаи на окраине Флоренции (наряду с развлечениями там имели место учeные разговоры).

Беседы в Садах Оричеллари (Orti Oricellari) касались и литературы. В этом месте проходили дебаты о соперничестве латинского и итальянского языков — какой из них достоин называться литературным; а также различные чтения и даже представления спектаклей. В результате Макиавелли смог направить творческую энергию в совершенно новом направлении — он решил сам писать пьесы. Так

родилась «Мандрагола» — блистательная, хотя и мрачная комедия о том, как соблазнили молоденькую супругу старика-судьи. Первый вариант был завершен в 1518 году, прочитан друзьями Макиавелли в Садах Оричеллари, затем представлен публике — сначала во Флоренции, после чего на протяжении двух лет его ставили в Риме.

Тем не менее самые яростные прения в Садах касались вопросов политики. Один из участников, Антонио Бручиоли, позже будет вспоминать в своих «Диалогах», что участники постоянно обсуждали влияние фатума на жизнь республик — как республики возносились к собственному расцвету, как сохраняли свободу, как постепенно наступал упадок и неизбежный конец. Однако их интерес к гражданской свободе проявлялся не только на словах. Некоторые члены группы стали настолько страстными противниками восстановленной «тирании» Медичи, что оказались вовлеченными в неудавшийся заговор убийства кардинала Джулио Медичи в 1522 году. Одним из казненных после раскрытия заговора был Джакопо да Дьячетто; к ссылке приговорили Дзаноби Буондельмонти, Луиджи Аламанти и самого Бручиоли. Все были видными участниками кружка «Сады Оричеллари», заседания которого прекратились после провала попытки государственного переворота.

Макиавелли никогда не был настолько яростным сторонником свободы республики, чтобы примкнуть к какому-нибудь заговору против Медичи. Однако на него значительно повлияло знакомство с Козимо Ручеллаи и его сторонниками. Одним из результатов участия политика в этих дискуссиях было создание трактата «Искусство войны», который он опубликовал в 1521 году. Работа построена

в форме беседы, проходящей в садах Оричеллари, с главным действующим лицом — Ручеллаи, выдвигающим тезисы, в обсуждении которых также принимают участие Буондельмонти и Аламанни. Однако самым важным «продуктом» участия Макиавелли в кружке сторонников республиканского правления стало его решение приступить к написанию трактата «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», своего самого объемного и во многих вопросах оригинального вклада в теорию государственного управления. Работа не только была посвящена Буондельмонти и Ручеллаи, в части посвящения он упоминает этих деятелей как «силу, побудившую меня написать то, чего сам я никогда бы не создал» (188).

Достичь величия

Трактат «Рассуждения...» построен в форме комментариев к первым десяти книгам истории Рима, принадлежащим перу Ливия. Ливий проследил подъем города к своему расцвету после того, как были разгромлены города-конкуренты, изгнаны императоры и основано «свободное государство». Но Макиавелли охватывает материал гораздо шире, чем предлагает текст работы Ливия, развивает темы в непоследовательной, несистемной, иногда даже фрагментарной манере. Иногда он использует повествование историка античности как канву для собственной обширной аргументации по вопросам искусства править государством, в следующий момент может перейти на рассказ о какой-нибудь выдающейся личности или же привести в пример назидательную историю. Поэтому, чтобы не заблудиться в лабиринте его идей, необходима путеводная нить. Из трех

книг «Рассуждений...» первая посвящена конституции свободного государства, вторая рассказывает о том, как успешно и эффективно руководить армией, и третья касается проблем лидерства. Я тоже буду следовать этой схеме, однако необходимо помнить, что такой принцип может создать впечатление тщательно продуманного текста, тогда как Макиавелли в организации материала явно не пренебрег, а возможно, и не стремился этого сделать.

Вознамерившись исследовать раннюю историю Рима, Макиавелли задался крайне важным для себя вопросом. Эта тема появляется в начале первого абзаца первой книги «Рассуждений» и затем красной линией проходит по всей работе. Целью написания трактата, говорит Макиавелли, было определить, что же «толкает республики занять доминирующее положение» (192). Что подвигло Рим взойти на недостижимую высоту и снискать величие и могущество?

Эта тема развивается и в работе «Государь». Действительно, в «Государе» автор с самого начала исключает из круга вопросов, которым уделяет внимание, республику как форму государства, тогда как в «Рассуждениях» это для Макиавелли очевидно главный вопрос. Однако было бы ошибкой считать, что «Рассуждения» посвящены только республике, а проблемы княжеств игнорируются. Макиавелли подчеркивает в главе II, что его интерес затрагивают не республики как таковые, а скорее управление городами — независимо от того, является ли их форма правления республикой, или организована как княжение (195). Более того, можно провести параллели между советами политика правителям о том, как великими делами можно снискать славу, в трактате «Государь», и его вдохновенным

объяснением, как города могут достичь вершин славы и почему именно Рим сумел добиться «исключительного величия» — в «Рассуждениях» (207—211, 341).

Каковы же в таком случае необходимые методы, чтобы Рим смог достичь величия (358)? Для Макиавелли этот вопрос сугубо практический, поскольку он принимает точку зрения гуманистов в том, что «каждый, кто задумывается о прошлом и настоящем, легко поймет, что и города и люди обладают одним набором устремлений, так же как они обладают сходным набором черт характера». Это означает, что всякий, кому приходится изучать события прошлого, «легко может предсказать будущее», а также «в состоянии применять к нему рецепты, которыми пользовались во времена античности» и «давать советы, как поступать, поскольку события обычно бывают похожи» (278). Таким образом, текст «Рассуждений» внедряет и акцентирует мысль о том, что, если бы удалось обнаружить причины расцвета Рима, этот расцвет можно было бы повторить.

Изучение классической истории показывает нам, как утверждается в книге II «Рассуждений», что ключ к пониманию достижений Рима можно выразить одной фразой: «Опыт доказал, что города никогда не смогли бы достичь верховенства и богатства, если бы они не были свободны». Античный мир доказывает справедливость этой мысли двумя ярчайшими примерами. Первое, на что стоит обратить внимание, — это величие Афин, продолжавшееся сотни лет после освобождения государства от тирании Писистрата. Самой же характерной иллюстрацией является тот факт, что «главенство Рима наступило после освобождения от императорского управления» (329). Наоборот,

«все печальные события происходили с этими городами тогда, когда они жили в рабстве» (333). Но поскольку тирания снова восторжествовала в этих государствах, «они более не шли вперед, чтобы увеличить свое могущество и богатство; во многих примерах их развитие обратилось вспять» (329).

Уделяя столь пристальное внимание понятию свободы, Макиавелли хочет показать, что город, стремящийся достичь величия, должен избегать любых форм политического раболепства, независимо от того, навязано ли оно «изнутри», режимом тирании, или внешне, имперской властью (195, 235). Это значит, что утверждать, что город обладает свободой, есть то же самое, что считать его независимым от любой власти, включая власть собственного общества. Говорить о «свободном государстве» означает говорить о государстве, которое само собой управляет. Макиавелли поясняет эту мысль в главе II «Рассуждений», когда объявляет, что пропустит разговор о тех городах, которые начинали свою историю, будучи «в подчинении у кого-либо», и сконцентрируется на тех, которые были свободны изначально, «которые с самого начала управлялись собственными решениями» (195). Та же мысль повторяется в этой главе позже, когда автор впервые лестно отзывается о законах Солона, установивших форму управления силами «собственного народа, чтобы затем государство продолжало существование свободным» (199).

Первый общий вывод трактата «Рассуждений» таков, что города «в том случае стремительно разрастаются и становятся великими, если «люди их контролируют» (316). Это не делает проблему княжеств менее интересной для

Макиавелли, так как он иногда (хотя и неосознанно) стремится поверить, что установление общественного контроля может быть сопоставимо с монархическим правлением (427). Однако это определенно ведет его к тому, чтобы выразить конкретное предпочтение республиканским режимам перед княжеским правлением. Особенно выразительно Макиавелли подчеркивает эту мысль в начале второй книги «Рассуждений»: «не личное благо, но общественное делает города великими, и, без всякого сомнения, это общественное благо важно только для республик». Когда правит князь, положение вещей обратное, так как «то, что составляет его благо, обычно наносит вред городу, а польза города приносит ущерб ему». Это объясняет, почему города, управляемые монархом, редко продвигаются вперед, тогда как «города и провинции мира, живущие свободными, всегда приобретают значительные блага» (329, 332).

Если свобода — ключ к величию, как же ее получить и сохранить? Конечно, Макиавелли допускает благоприятное вмешательство Фортуны. Важно также и то, чтобы «город начинал свою историю свободным и независимым», если ему необходимо достичь гражданской славы (193, 195). Города, изначально вынужденные находиться в зависимом положении и раболепствовать, «с гораздо большим трудом найдут законы, которые сделают их свободными, если вообще когда-либо смогут это сделать» (296).

Однако, как и в трактате «Государь», Макиавелли считает радикальной ошибкой думать, что достижение величия целиком зависит от капризов Фортуны. Поднимая этот вопрос в начале третьей книги «Рассуждений», он говорит, что, по мнению маститых античных авторов — включая

Плутарха и Ливия, — расцвет Рима имел место исключительно благодаря Фортуне. Но сам Макиавелли категорически не желает принимать эту точку зрения (324). Потом он соглашается с тем, что римляне находились в выгодном положении из-за того, что Фортуна оказалась к ним расположена, и даже те несчастья, которые она насылала на них, только сделали их сильнее и способствовали величию города (408). Однако он настаивает — снова повторяя идею трактата «Государь», — что достижение величия не зависит исключительно от Фортуны, а есть всегда результат неразделимой комбинации счастливой Фортуны с качеством добродетели, *virtú*, которое позволяет стойко, с достоинством переносить несчастья, приобретая при этом благорасположение самой богини Фортуны. Так, Макиавелли заключает, что, если мы желаем понять, «что предоставляет возможность занять доминирующую позицию», которой достигла в своем процветании Римская республика, нужно признать, что ответ на этот вопрос связан с неоспоримым фактом: Рим обладал «столь сильной *virtú*», и управлялся таким образом, что это решающее качество «поддерживало город на должном уровне в течение многих веков». Римляне «соединили Фортуны с исключительной добродетелью, *virtú*, чем смогли удержать свою изначальную свободу и достичь такого расцвета, чтобы господствовать над миром» (326).

Обращаясь к этому центральному понятию, *virtú*, Макиавелли полностью повторяет положения, выдвинутые им в работе «Государь» (498). Тем не менее он привносит в этот термин новые смыслы. В «Государе» он ассоциирует данное качество исключительно с политическими лидерами и военными командующими; в «Рассуждениях» же он настаивает: для того чтобы город достиг величия, этим качеством

должны обладать все граждане (498). Когда же наступает момент объяснить, что именно Макиавелли понимает под *virtú* у граждан города, политик преимущественно повторяет собственные ранние аргументы, полагая, что самые важные заключения он уже сделал.

Таким образом, *virtú* представлена как готовность поступать любым — добрым или дурным — образом, как того требуют обстоятельства, чтобы достичь гражданской славы и величия. Это же в первую очередь является необходимым и для политического лидерства. Как и в «Государе», подобное мнение есть ссылка, но с элементом саркастического неприятия, на ценности гуманизма Цицерона. В трактате «Об обязанностях» Цицерон заявил, что, когда Ромул решил, что «править одному ему более выгодно», и убил брата, он совершил преступление, которому нет оправдания, так как его действие не было «ни разумно, ни адекватно вообще» (III.10.41). Макиавелли же настаивает на обратном положении: «ни один расчетливый ум не может осудить незаконное действие, осуществленное в интересах княжества или республики», то есть государства. Обращаясь к примеру братоубийства, политик заявляет, что «хотя он и обвиняет Ромула, но найдет в себе силы его оправдать, поскольку тот, кто проявляет жестокость с созидательной целью, а не жесток для того, чтобы разрушать, не может быть порицаем» (218).

Способность ставить общественное благо выше личных интересов и законов морали не менее важна и в поступках рядовых граждан. И снова Макиавелли иллюстрирует свою мысль, принижая ценности гуманизма античности. Цицерон в работе «Об обязанностях» заявляет, что «бывают

поступки настолько омерзительные и безнравственные, что мудрый человек не может позволить себе их совершить, даже чтобы спасти собственное государство» (I.45.159). Макиавелли резко возражает, что «долг каждого гражданина — осознавать, что нет поступков справедливых или несправедливых, милосердных или жестоких, достойных похвалы или постыдных; вместо этого, откинув всякие сомнения, необходимо следовать абсолютно любому плану действий во имя спасения государства и сохранения его свободы» (519).

Таким образом, качество *virtú* одинаково и для правителей и для граждан: и те и другие «должны быть готовы преследовать не личное благо, а общую пользу, заботиться не о собственном роде, но об отчизне» (218). Вот почему Макиавелли говорит о Римской республике, что она наделена «столь сильной *virtú*»: патриотизм в ней ставился превыше всего, и в результате ее граждане «на четыре столетия стали врагами императорской власти, но любимцами славы и блага в родном городе» (315, 450).

Утверждение, что ключ к сбережению свободы лежит в сохранении и развитии качества *virtú* в гражданах, неминуемо вызывает следующий вопрос, самый главный: как можно надеяться вселить это качество подобающим и поддерживать его достаточно долго, чтобы гарантировать достижение славы города? Макиавелли говорит, что именно здесь и необходимо вмешательство Фортуны. Ни один город не может даже надеяться снискать величия, если только он волей случая не был наставлен на правильный путь своим великим отцом-основателем, которому он, «подобно дитя», обязан своим рождением (223). Город, которому

не выпал этот счастливый шанс — иметь достойного основателя, — будет постоянно оказываться «в отчасти несчастливом положении» (196). И наоборот, город, который может похвастаться «*virtú* и методами своего великого основателя» — как в случае с основателем Рима Ромулом, — «выиграет прекрасную Фортуну» (244).

Причина, почему же городам необходимо иметь эту «изначальную Фортуну», состоит в том, что акт основания республики или княжества никогда не может быть осуществлен «посредством *virtú* массы людей», потому что их «разнообразные мнения» всегда будут мешать созданию правительства (218, 240). Это означает, что «основывать республику необходимо в одиночку» (220). Более того, коль скоро управление городом может «пострадать от коррупции», оно сходным образом должно осуществляться «*virtú* одного человека, а не *virtú* масс» (240). Макиавелли делает вывод, что мы должны принять общее правило: редко или почти никогда республика или империя достойно создаются с самого начала или целиком переделываются, если только их основателями не становится одна-единственная личность (218).

Далее Макиавелли заявляет, что, если город настолько неблагоприятен, что полагается целиком и изначально только на Фортуну, он может не снискать величие, а, наоборот, с ним произойдет катастрофа. Ведь хоть «в одиночку можно основать правительство», но ни одно правительство не может рассчитывать на длительное существование, «если будет осуществляться силами одного человека» (218). Неизбежная слабость политики, осененной добродетелью, *virtú*, личности-одиночки состоит в том, что «*virtú* умирает вместе со своим хозяином и очень редко передается по

наследству» (226). Следовательно, для сохранения монархии или республики необходимо не так много — не просто «иметь государя, который правит достойно на протяжении своей жизни», но скорее «иметь [в правителях] того, кто организует все таким образом», что к его последователю придет удача, чтобы остаться с «*virtú* масс» (226, 240). Сокровенным секретом правления и есть объяснение, как можно этого достичь.

Проблема, на которой сосредотачивается Макиавелли, чрезвычайно сложна. Пока мы не видим исключительной *virtú* в отцах-основателях, мы не можем рассчитывать на проявление этого качества и у рядовых граждан. Наоборот, большинство людей «более склонны к злу, нежели к добру», и поэтому стремятся игнорировать интересы общества, действуя «сообразно со своими злыми устремлениями, как только предоставляется возможность» (201, 215). Также и у городов имеется привычка отклоняться от курса *virtú* своих правителей и «скатываться к худшим проявлениям» — указывая на этот процесс, подводит итог Макиавелли и добавляет, что даже лучшие из обществ могут легко развращаться (322).

В основе таких рассуждений находится образ, созданный Аристотелем: идея политики как естественного организма, который, подобно всем созданиям в этом подлунном мире, подвержен «уколам времени» (45). Макиавелли особенно использует эту метафору — государство как живой организм — в самом начале третьей книги «Рассуждений». Он считает: «Ясно как день, что, если эти организмы не будут обновляться, они не смогут существовать дальше», поскольку со временем их *virtú* наверняка

подвергнется развращению, и эта развращенность, конечно, погубит их, если повреждения, ею нанесенные, не будут устранены (419).

Начало разложения приравнивается к потере или растрачиванию *virtú*, дегенеративному процессу, способному развиться, как считает Макиавелли, за один-два дня. Организм города может утратить *virtú* — и следовательно, заботу об общественном благе, — с утратой интереса к политике становятся «ленивыми и негодными к проявлению *virtú*» (194). Но более коварная опасность подстерегает государство, чьи граждане остаются активными в делах государства, но начинают превыше всего ставить собственные амбиции или предаваться мнимой лояльности общественным интересам. Макиавелли так определяет развращенное положение вещей в политике: «На передний план в управлении государством выходят люди, больше заинтересованные в том, что они могут получить от общества, чем в том, как принести ему пользу» (386). Развращенная, коррумпированная конституция — такая конституция, при которой действуют «только обладающие силой» правители, способные предпринимать шаги и делать что-то «не для достижения общественной свободы, но для укрепления собственного могущества» (242). Коррумпированный город, как считает Макиавелли, — это город, в котором правительство состоит не из тех, «чья *virtú* велика», но из тех, чье могущество значительно и, следовательно, будет направлено на обслуживание их, правителей, собственных, эгоистичных интересов (241).

Эти рассуждения привели Макиавелли к определенной дилемме. С одной стороны, он постоянно подчеркивает,

Рис. 4. Портрет Макиавелли работы Санти ди Тито, Палаццо Веккьо, Флоренция

что «люди по своей природе амбициозны и подозрительны» до такой степени, что «никогда не поступят хорошо, благородно, если на то не будет серьезной необходимости» (201, 257). Но с другой стороны, он настаивает, что, поскольку людям свойственно «переходить от одних устремлений к другим», это быстро станет причиной разобщения города, и шанс достичь величия будет упущен (290). Повод к этому есть то, что сохранение свободы — непременное условие величия, а рост коррупции в любом случае губителен для свободы. Как только своекорыстные интересы начнут разрастаться, желание действовать «во благо свободы» неминуемо начнет исчезать, появятся интриги, и «тирания быстро выступит на сцену», заняв место свободы (282). Это означает, что, как только червь коррупции коснется сознания граждан, они «уже не смогут оставаться свободными даже на короткий промежуток времени, а фактически — никогда» (235; cf. 240).

Таким образом, дилемма Макиавелли заключается в следующем. Как можно внушить народу качество *virtú*, если оно в нем изначально не присутствует? Как уберечь его от того, чтобы он не скатился в бездну коррупции, заставить его держаться общественных интересов на протяжении длительного времени? Решению этого вопроса и посвящена остальная часть трактата «Рассуждения».

Законы и лидер

Макиавелли пребывает в уверенности, что проблема, которую он вскрыл, может быть решена с помощью хитрости, а не напрямую. Так как едва ли мы можем ожидать от

большинства граждан демонстрации *virtú*, не стоит надеяться, что и город, населенный такими гражданами, будет получать блага Фортуны, или что в нем появится лидер, чьи действия, подобно поступкам великого отца-основателя, явят миру высочайшую степень *virtú* (420).

Истинно благородные граждане играют незаменимую роль в наставлении своих городов на путь славы. Если бы по крайней мере один пример подобной *virtú* «был явлен миру в каждые десять лет» истории Рима, — утверждает Макиавелли, — город «никогда бы не оказался затронут коррупцией» (421). Макиавелли продолжает свою мысль: «если обществу везет так», что в каждом поколении появляются лидеры, наделенные *virtú*, — те, кто «обновляет законы и удерживает его [общество] не только от движения к самоуничтожению, но и от стремления к возвращению назад», то последствием могло бы стать чудо «вечно существующей» республики, организма, способного избежать смерти (481). Каким же образом *virtú* индивидуальной личности помогает городу в конце концов достичь славы? Макиавелли пытается решить данный вопрос на протяжении всей третьей книги «Рассуждений», целью которой является продемонстрировать, «как происходило то, что поступки отдельных людей способствовали величию Рима и оказали на город столь удивительное положительное влияние» (423).

В этой работе ощутим дух, сходный с настроением трактата «Государь». Неудивительно, что в последнюю часть «Рассуждений» автор поставил значительное количество ссылок на свои предыдущие работы — более дюжины отсылок на сотне страниц. В работе «Государь» он доказывает, что существует по крайней мере два различных пути, следуя

которым государственный деятель может достичь великих целей. Первый путь состоит в том, что лидер способен повлиять на остальных граждан. Макиавелли начинает с мысли о том, что иногда происходит поистине ошеломляющий эффект, поскольку «репутация таких людей и их пример воодушевляют настолько, что люди добродетельные сразу стремятся последовать ему, а безнравственные устыжаются вести жизнь, отличную от жизни остальных» (421). Но основное утверждение заключается в том, что *virtú* выдающихся лидеров всегда запечатлена в форме, отчасти способной вдохновить живительной энергией своих последователей, даже если они не были одарены этим качеством от природы. Рассуждая о механизмах такого влияния в «Государе» и IV книге трактата «Искусство войны», Макиавелли делает предположение, что самый действенный способ заставить людей вести себя *добродетельно*, *virtuoso*, — это запугать их последствиями поведения, противоположного *добродетельному*. Макиавелли восхищается Ганнибалом за то, что он внушил страх своим войскам «собственным характером», тем самым вынудив их «вести себя послушно и действовать в едином порыве» (479). Высшей же похвалы от него заслужил Манлий Торкват⁸, чей «мощный дух» и вошедшая в поговорку жестокость «подвигли его совершать решительные поступки», помогали гражданам возвращаться к первоизданной *virtú*, когда она только начинала оставлять их (480—481).

Люди с исключительными качествами характера могут добиться славы собственному городу, и гораздо быстрее.

⁸ Аниций Манлий Торкват Северин Бозций (ок. 480—524), римский государственный деятель, христианский философ-неоплатоник.

Их высокая добродетель, *virtú*, способна предотвратить коррупцию и развал. Одним из главных вопросов третьей книги «Рассуждений» стало обсуждение конкретных качеств *добродетельного, virtuoso*, правителя, тех его качеств, которые способны принести результат. Ответ Макиавелли предлагает в главе XXIII, рассматривая карьеру Камилла⁹, «самого достойного из всех римских генералов» (462). Замечательными качествами Камилла, позволившими ему совершить так много «блестящих дел», были «его забота, его благоразумие, его великая отвага», а более всего — «его великолепные методы управления и командования армией» (484, 498). Макиавелли рассматривает это более подробно на протяжении нескольких глав. Он, прежде всего, утверждает, что великие общественные деятели знают, как обезоружить зависть, «поскольку зачастую зависть не дает людям приобрести власть» (495—496). Они также должны быть людьми исключительной храбрости, особенно если выбрали военную стезю, где они должны быть готовы — как выражается Ливий, — «проявить себя в самый горячий момент битвы» (515). Они также должны обладать недюжинным благоразумием политика, основывающимся на знании ценностей античной истории, равно как и на умении разбираться в делах современной политики (521—522). И наконец, они должны обладать осмотрительностью и осведомленностью, чтобы не быть введенными в заблуждение кознями врагов (526).

⁹ Марк Фурий Камилл (ок. 447—365 до н. э.), римский государственный и военный деятель. Согласно Титу Ливию, 6 раз был военным трибуналом, 5 раз назначался диктатором, 4 раза удостоивался триумфа. За изгнание галлов получил титул «второго основателя Рима».

Ход размышлений Макиавелли ясно показывает нам, что удача родного города политика постоянно занимает его мысли. В какой бы момент он ни анализировал добродетельного, *virtuoso*, лидера, он постоянно напоминает, что упадок флорентийской республики и ее неминуемый распад в 1512 году произошли во многом из-за того, что не было уделено должное внимание именно этому качеству. Добродетельный правитель должен знать, как противостоять зависти, — ни Савонарола, ни Содерини «оказались не способны преодолеть зависть», и, как следствие, «оба проиграли» (497). Правителю, обладающему *virtú*, необходимо учить уроки истории — однако флорентийцы, которые «с легкостью могли бы разобраться в обычаях варваров», не предприняли даже попытки сделать это, отчего были обмануты (522). Добродетельный, *virtuoso*, правитель — человек достоинства и чести, но правители Флоренции показали себя настолько наивными перед лицом предательства, что — как в случае войны с Пизой — ввергли республику в пучину катастрофы (527). Этим горьким выводом о режиме, которому он вынужден был служить, Макиавелли завершает свои «Рассуждения».

Очевидно, что дилемма третьей книги «Рассуждений» остается неразрешенной. Хотя автор объяснил, как рядовым гражданам можно овладеть *virtú* по образцу достойного лидера, он сам осознает, что появление таких великих лидеров всегда есть знак Фортуны в чистом виде, а значит, возможность для города достичь славы и почета слишком уж ненадежная. Поэтому неразрешенным остается вопрос — как можно вложить в обычных людей — в принципе склонных поддаться безудержным амбициям или лени — качество *virtú*, так, чтобы они смогли достигнуть гражданской славы?

Именно в этот момент Макиавелли выходит за пределы границ, намеченных им в рассуждениях о политическом устройстве в трактате «Государь». Ключ к решению проблемы, по мнению Макиавелли, в том, чтобы уверить граждан в «благоприятном управлении», то есть что ими правят таким образом, который позволяет им полностью достичь *virtú* и удерживать свободу. Это решение возникает в самом начале первой книги «Рассуждений». Если мы хотим понять, почему «столь много *virtú*» поддерживалось в Риме «на протяжении долгих веков», нам нужно изучить, «как он [город] был организован» (192). Эта же тема повторяется в следующей главе. Чтобы понять, каким образом преуспел Рим в том, чтобы «напрямую» достичь существования, приведшего город к «прекрасному и достойному концу», нужно изучить его *ordini* — государственные институты, конституционное устройство, принципы устройства и организации общества (196).

В связи с этим самый очевидный вопрос, требующий нашего рассмотрения, согласно Макиавелли: какие именно институты город должен развивать, чтобы избежать роста коррупции во внутренних делах? Здесь подразумеваются политические и конституционные меры (195, 295). Значительную часть первой книги «Рассуждений» Макиавелли посвящает данной теме, в качестве иллюстраций приводя примеры из ранней истории Рима и подчеркивая в этой связи, что «государственные институты его были организованы так, чтобы способствовать его величию» (271).

Макиавелли выделяет два способа ведения внутренней политики, с помощью которых можно привить качество *virtú* в горожанах, составляющих организм города

в целом. Макиавелли начинает с рассуждения — в главах с XI по XV — о наиболее важных институтах любого города, связанных с поддержкой религиозного культа и обеспечением того, что называется «совершенной пользой» (234). Он даже заявляет, что «почитание религиозных учений» есть сила такой первостепенной важности, что она по своей природе служит «величию республики» (225). Наоборот, полагает Макиавелли, «нет лучшего показателя» роста коррупции в государстве и его упадка, чем «мало ценимая вера в Бога» (226).

Римляне прекрасно понимали, как использовать религию в целях процветания своей республики. Царь Нума, правивший сразу за Ромулом, в частности, утверждал, что становление в обществе религиозного культа «совершенно необходимо, если стремиться устроить гражданское общество» (224). Наоборот, правители современной Макиавелли Италии не сумели оценить важность этого факта. Хотя номинально Рим оставался центром христианства, ирония заключалась в том, что «через скверный пример» Римской церкви «страна утратила благочестие и религию» (228). В результате этого постыдного факта итальянцы, оказавшись наименее религиозным народом в Европе, стали самыми коррумпированными. Как следствие, они утратили свободу, забыли о том, как можно себя защитить, и страна в итоге могла стать «добычей не только могущественных варваров, но любого, кто нападал на нее» (229).

Секрет, который знал Древний Рим — и забытый современным миром, — состоит в том, что роль религиозных институтов относительно достижения городом величия аналогична роли выдающейся личности. Следовательно,

религия может служить для воодушевления, а если необходимо, и для устрашения рядовых граждан, для того, чтобы склонять их к исполнению интересов общества, а не собственной выгоды. Принципиальная точка зрения Макиавелли на то, как римлянам удалось достичь такой степени патриотизма, представлена в его размышлениях о покровительствах. Прежде чем начинать сражение, римские полководцы всегда объявляли о счастливых предзнаменованиях. Это побуждало войска идти на битву с полной уверенностью в победе — уверенность, которая вселялась *virtú* такой силы, что они почти всегда одерживали победу (233). Характерно, однако, что на Макиавелли в большей степени производит впечатление способ римлян использовать религию для устрашения своего народа, побуждая их действовать с той степенью *virtú*, которой никогда нельзя было бы достичь любым другим способом. Самый драматичный пример Макиавелли приводит в главе XI: «После того как Ганнибал разбил римлян в битве при Каннах, многие граждане, приведенные в отчаяние родными землями, решили покинуть Италию». Сципион, услышав об этом, «обнажил меч» и тем самым заставил их поклясться, что они останутся на родине. Результатом этого стала принудительно возникшая в них *virtú*: хотя не «любовь к своей стране и ее законам» побудила их остаться в Италии, но страх богопротивного клятвопреступления (224).

Идея о том, что воспитание в обществе богобоязненности должно приносить богатые плоды — славу государству — была не понаслышке знакома и современникам Макиавелли. Пример этому деятельность Савонаролы во Флоренции в 1490 году, когда он убеждал жителей города в том, что «он разговаривал с Господом» и тот дал ему знак, что

вернет былое величие Флоренции в том случае, если граждане вновь обретут благочестие (226). Как бы там ни было, Макиавелли и сам отходит от своего мнения о важности религии и приверженности постулатам веры в двух вопросах. Во-первых, он не соглашается с причинами, которые вывел Савонарола, объясняя важность религии в политической жизни. Макиавелли менее всего заинтересован в вопросе истинности веры. Единственный предмет его внимания — это роль собственно религиозного чувства «в воодушевлении народа, в обращении людей к добру и отвращении их от зла». Он и оценивает разные религии только по их способности производить этот полезный эффект (224). Соответственно, Макиавелли делает вывод, что лидеры любого общества должны не только «принять и увеличить» все, что «способствует укреплению религиозного чувства» — Макиавелли настаивает, что правители обязаны поступать именно так, «даже если считают это неправильным» (227).

Другая отправная точка макиавеллевского взгляда на ортодоксальную религию связана с прагматическим подходом. Он сообщает, что, если оценивать стандартами, древняя религия римлян гораздо предпочтительнее христианской веры. Но это не причина тому, чтобы христианство не было понято «согласно с *virtú*» и не служило для «улучшения и укрепления» христианской общности. В действительности же оно использовалось таким образом, чтобы нивелировать необходимость свободы и энергичность жизни города. То есть оно почитало «смиранных в вере и созерцающих¹⁰ мужей»;

¹⁰ В данном случае, очевидно, Макиавелли противопоставляет «созерцающее», безвольное, начало и активное, действенное, понимая это последнее как безусловно лучшее.

«понимало как величайшие блага смирение, пренебрежение человеческими вещами и презрение к тому, что касается человеческого»; не видело ценности «в великолепии ума, в силе тела» или в любом другом признаке доблестного, *virtuoso*, гражданина. Устанавливая такой, не от мира сего, образ превосходного человека, просто невозможно было продвинуть гражданскую славу; христианство фактически способствовало упадку и уничтожению великих наций, развращая их общественную жизнь. Как заключает Макиавелли — с иронией, заслуживающей называться обезьяньей, — цена, которую мы заплатили за факт, что христианство «показало нам истину и истинный путь», есть то, что оно «сделало мир слабым и обратило его в добычу безнравственных людей» (331).

Остальной текст первой книги «Рассуждений» посвящен доказательству того, что существует второй, даже более эффективный способ вселить в людей *virtú*: принудить их силой закона к тому, чтобы они ставили благо общества выше личных интересов. Самые прекрасные образцы гражданской *virtú* связаны с теми, кто «изначально имел отличное воспитание», которое, в свою очередь, проистекает «из отличных законов» (203). Если мы зададимся вопросом, каким образом города смогли сохранять *virtú* на протяжении столь длительного времени, то — следуя за Макиавелли — можно получить ответ, что главная причина этого в том, что «законы способствовали их [городов] благу» (201). Основа этого утверждения раскрывается в начале третьей книги «Рассуждений»: если город собирается «принять условия новой жизни» и продвигаться по пути славы, то достичь этого можно «как силой *virtú* одного человека, так и *virtú* закона» (419—420).

Из этого утверждения становится понятно, почему Макиавелли так много внимания уделяет вопросу отца-основателя города. Такие люди находятся в уникальном положении, чтобы проявить себя в таком деле, как создание законов, и, следовательно, с самого начала могут закрепить в обществе понимание того, что необходимо развивать *virtú* и преодолевать коррупцию. В качестве выразительного примера автор приводит историю Ликурга, основателя Спарты. Он разработал настолько совершенный кодекс законов, что город был способен «жить с ним [этим кодексом законов] благополучно более восьмисот лет, не пытаясь его поменять» и не утратив свободы (196, 199). Едва ли менее замечательны примеры Ромула и Нумы, первых царей Рима. Посредством многих благоприятных законов они насаждали качество *virtú*, «принуждая к ней [*virtú*]» с такой решительностью, что даже «величие их империи на протяжении многих веков не смогло ее развратить», и она [империя] осталась примером «преисполненной качеством *virtú* как величайшая из городов или республик, существовавших когда-либо» (195, 200).

Здесь, согласно Макиавелли, история преподносит нам один из самых поучительных своих уроков. Все великие законотворцы, показывает автор «Рассуждений», отчетливо представляли, как с помощью законов можно достичь величия своей страны. Следуя этому положению, если подробно изучить кодексы, возможно, удастся раскрыть секрет успеха государств и тем самым помочь правителям современности использовать мудрость древних.

Макиавелли делает вывод, что важнейшее условие, общее для всех мудрых законотворцев Античности, крайне

простое. Все выдающиеся люди осознают, что три «чистые» конституционные формы правления — монархия, аристократия, демократия — изначально нестабильны и имеют тенденцию сами генерировать коррупцию и распад. Это подразумевает, что насаждение *virtú* силой закона должно происходить в условиях смешанной конституции, при которой недостатки всех трех форм корректируются, тогда как их сильные стороны сочетаются. Как всегда, самая яркая иллюстрация — история Рима: город сумел создать «смешанное правительство», в конце концов сформировавшее «совершенную республику» (200).

Конечно же, обязательным пунктом римской политической теории являлась защита преимуществ смешанной конституции. Описание принципов такого правления является центральным вопросом «Истории» Полибия; потом к этой теме обращается в своих трактатах Цицерон, после чего, естественно, она становится любимой для ведущих писателей-гуманистов Флоренции XV века. Однако же, когда мы сталкиваемся с мнением Макиавелли относительно того, что смешанная конституция лучше всего подходит для укрепления *virtú* и защиты свободы, мы видим здесь яркое и даже драматичное расхождение с общепринятой у гуманистов точкой зрения.

Макиавелли начинает с аксиомы: «в любой республике всегда существует две оппозиционные фракции — от народа и от богатых» (203). Он полагает вполне очевидным, что, если конституция устроена так, что власть сосредоточена всецело в руках той или иной оппозиционной группы, республика «легко поддастся коррупции» (196). Если кто-либо из партии богатых впоследствии станет государем,

сразу же возникнет опасность тирании; если богатые захотят основать аристократическую форму правления, то будут стремиться править с учетом только собственных интересов; если наступит демократия, то же самое будет сделано со стороны правящей верхушки от народа. В любом случае общее благо окажется в подчинении от интересов правителей, в результате чего *virtú* и, следовательно, свобода республики будут утеряны (203—204).

Макиавелли предлагает следующее решение. Законы конституции должны быть выстроены с инженерной точностью — так, чтобы удерживалось тончайшее равновесие между оппозиционными силами, чтобы все партии оставались причастны делу управления государством и находились друг у друга «на виду», дабы предвосхищать «надменность богатых» и «волюнтаризм народа» (199). Поскольку соперничающие группы будут ревностно следить друг за другом, чтобы пресечь любую попытку захватить власть, то они окажут друг на друга воздействие, которое будет способствовать принятию законов и учреждению институтов, «благоприятствующих гражданской свободе». Фракции, хоть и станут ориентироваться на исполнение собственных эгоистичных интересов, при принятии законов смогут направляться, будто бы невидимой рукой, на выполнение потребностей общества: «все законы будут приниматься во благо свободы», и это станет «результатом разногласий» между правящими группировками (203).

Подобная похвала раздорам испугала современников Макиавелли. Франческо Гуччиардини в своем «Рассуждении о “Рассуждениях...”» обращается к общественности

с такими словами: «хвалить разобщенность все равно что хвалить состояние больного человека, так как оно покажет благоприятное действие лекарства»*. Идея Макиавелли шла вразрез с традицией республиканской мысли Флоренции, с представлением о том, что всякое несогласие должно изгоняться из общества как ведущее к расколу, а институт партий составляет смертельную угрозу гражданской свободе. Этой точке зрения придавалось особенное значение в обществе с конца XIII века, когда Ремиджо де'Джиролами, Брунетто Латини, Дино Компаньи и, более всех, Данте открыто обличали своих земляков за то, что те ставили под угрозу свободу, не желая существовать мирно. Настаивать, как это делал Макиавелли, на поразительном мнении, что беспорядки в Риме «заслуживают высочайшей похвалы», было равносильно отречению от самых заветных постулатов флорентийского гуманизма.

Как бы то ни было, Макиавелли не раскаивался и продолжал атаку на общепринятые представления. Он согласен с «мнением большинства», что продолжительные столкновения между плебсом и знатью в Риме привели город к «полной неразберихе», и только «благая Фортуна и военная *virtú*» спасли его от раздробленности. Однако политик настаивает, что те, кто порицает беспорядки в Риме, не смогли не признать, что эти беспорядки служат препятствием триумфу узких интересов и, таким образом, они [порицающие беспорядки] «ошибаются в выявлении первопричины, делающей Рим свободным» (202). Поэтому,

* Francesco Guicciardini, «Considerations of the "Discourses" of Machiavelli» in *Select Writings*, trans. and ed. C. and M. Grayson (London, 1965), p. 68.

приходит к выводу Макиавелли, даже если беспорядки являются злом изначально, они, тем не менее, «зло, необходимое для достижения величия Рима» (211).

Воспрепятствовать коррупции

Макиавелли утверждает, что, хотя смешанная конституция и необходима, при ней, вне всякого сомнения, нужно продолжать следить за сохранением свободы. Он вновь предостерегает, что большинство людей имеют склонность идти на поводу у собственных амбиций, а не следовать интересам общества, «и никогда не сделают ничего хорошего, если на то нет необходимости» (201). Поэтому будет развиваться тенденция, когда облеченные властью граждане или политические группировки будут стремиться нарушить баланс сил и заставить конституцию служить их собственным эгоистичным интересам, и заронят семена коррупции в жизнь государства, ставя под угрозу его свободу.

Для борьбы с этой неизбежной угрозой Макиавелли предлагает следующее конституционное преобразование. Важно быть бдительным и сразу замечать сигналы опасности — например, уметь определять ситуации, которые могут поставить отдельных граждан или политическую партию в условия обладания большей властью (265). Также для решения этой проблемы необходимо подготовить кодекс законов и специальные государственные институты. Неотъемлемой частью порядка, *ordini*, в республике является ситуация, когда за гражданами ведется наблюдение, и они не могут, прикрываясь благими намерениями, вершить злые дела (291). В конце концов, абсолютно всем важно

«держат глаза открытыми» и быть готовыми не только сразу определить коварную тенденцию к коррупции, но также и прибегнуть к силе закона, чтобы уничтожить эту тенденцию сразу же, а лучше всего даже еще до начала того, как она начнет становиться злом (266).

Макиавелли объединяет этот анализ с предположением, что в истории Рима существует еще один урок обращения с конституцией, который стоит запомнить. Поскольку Рим сумел сохранять свободу на протяжении более четырех столетий, по-видимому, его граждане моментально выделяли малейшие намеки на угрозу независимости и сразу же наводили порядок. Следовательно, если мы хотим научиться видеть такую угрозу и находить против нее средства, нужно почаще обращаться к истории Римской республики, применять ее мудрость к реалиям современности.

Пример Рима показывает, что первейшая опасность, с которой может столкнуться любая смешанная конституция, исходит от тех, кто имел блага при предыдущем режиме. Выражаясь словами Макиавелли, существует угроза от «сыновей Брута», — проблема, о которой автор впервые упоминает в главе XVI и позже обращается к ней в начале третьей книги «Рассуждений». Юний Брут освободил Рим от тирании Тарквиния Гордого (Суперба), последнего римского царя. Однако собственные сыновья Брута оказались среди тех, «кто лишился выгод правительства тирании» (235). Установление «народной свободы» показалось им худшим выходом, чем режим рабства. В результате они «пошли на заговор против родного города потому, что не могли законным образом иметь прибыль при консуле, как это было при царях» (236).

Против такого риска «не было другого действенного лекарства — ни более эффективного, ни более необходимого — кроме как убить сыновей Брута» (236). Макиавелли соглашается, что это было жестоко, и добавляет своим ледяным тоном, что это, конечно, «пример самый шокирующий среди всех известных прецедентов», — что Брут должен был стремиться «остаться на своем месте в правительстве и поэтому не только приговорил сыновей к смерти, но и присутствовал на их казни» (424). Такая жестокость необходима в любом случае. «Тот, кто принимает тиранию и не убивает Брута, и тот, кто хочет основать свободное государство и при этом не убивает сыновей Брута, недолго будет оставаться правителем» (425).

Следующая угроза на пути к политической стабильности проистекает из пресловутого пристрастия республики клеветать на своих лидеров и проявлять к ним неблагодарность. В первый раз Макиавелли обращается к этому вопросу в главе XXIX и говорит, что самая серьезная ошибка, которую города, идущие по пути «сохранения собственной свободы», склонны совершать, — это «вредить гражданам, от которых они должны получать воздаяние». Это очень опасная общественная болезнь, поскольку те, кто страдает от несправедливостей, обычно склонны устраивать бунты, «стремительно повергая город в пучину тирании — как это произошло в Риме при Цезаре, который силой взял себе то, в чем ему неблагодарно отказали» (259).

Единственным возможным средством остается поддержание *ordini*, существующего для того, чтобы внушить страх завистникам и неблагодарным, заставляя их не подрывать репутацию выдающихся людей. В этом случае нужно «давать

возможность оправдаться». Любой гражданин, который подозревает, что его оклеветали, должен «без страха и колебания» требовать, чтобы его обвинитель предстал перед судом и предоставил достойные доказательства своих обвинений. Если же формальное обвинение было ложным, закон должен жестоко наказать клеветника (215—216).

В конце Макиавелли рассуждает о том, что самая серьезная угроза гармонии смешанной конституции заключается в том, что амбициозный гражданин может попытаться сформировать партию, основывающуюся на преданности личным интересам вместо верности интересам общественным. Автор приступает к анализу этого источника нестабильности в главе XXXIV, после чего посвящает оставшуюся часть первой книги «Рассуждений» размышлению о том, как возникает коррупция и какой тип *ordini*, порядка, необходим, чтобы ворота тирании оставались наглухо закрытыми.

Одним из способов эскалации интриг является ведение затяжной войны. Макиавелли даже заявляет, что «сила наживы граждан», приобретенная в моменты военных действий, более других причин способствовала превращению Рима в раба» (267). Почему же интриги всегда «вредят свободе», даже когда «установившаяся власть уже существует длительное время»? Причина в том, что абсолютная власть всегда способствует коррумпированности нации, поскольку делит граждан на врагов и сторонников (270, 280). Этот процесс происходил в войсках Рима во времена поздней республики. «Когда гражданин долгое время командует армией, он способен... забыть Сенат и уже себя считает его головой» (486). Затем потребуется Сулла, Марий или, позднее, Цезарь, чтобы «собрать солдат, которые,

находясь в оппозиции к благу республики», последуют за ними, однако баланс конституции будет нарушен столь грубо, что тирания вскорости восторжествует (282, 486).

В ответ на подобное злодеяние ни в коем случае нельзя бояться диктатуры, поскольку в некоторых ситуациях — например, в вопросах национальной политики — именно она может быть жизненно необходима (268—269). Такая сила не может являться злоупотреблением, исходя из интересов поддержания порядка, *ordini*. Достичь этого можно двумя путями: требованием беспрекословного выполнения приказов моментально, без проволочек, и обеспечением такого положения вещей, когда именно эти приказы необходимо отдавать. Именно так *ordini*, порядок, не даст городу проникнуться коррупцией и «ослабить правительство» (268).

Еще одним источником интриг становится пагубное влияние тех, кто обладает запредельным богатством. Богатые всегда в состоянии оказать фавор беднякам, «одалживая им деньги, выдавая замуж их дочерей, защищая от магистрата». Такая забота крайне нежелательна, поскольку заставляет бедняков принимать сторону своих благодетелей. А тем, «кому они следуют, это положение вещей дает уверенность, что они могут подкупать народ и нарушать законы» (493). Макиавелли настаивает, что «коррупция легко поселяется в городе, в котором процветает неравенство», и поэтому неоднократно предупреждает, что «амбиции богачей очень быстро разрушат город, если только он вовремя не пресечет их» (240, 274).

Единственным затруднением для «прекрасно устроенной республики» должно стать поддержание такого

положения вещей, когда «финансисты богаты, а граждане бедны» (272). Макиавелли туманно рассуждает о типе *ordini*, который поможет этому, но зато красноречиво описывает преимущества подобного устройства. Если законы таковы, что держат граждан в бедности, то тем самым они предохраняют их — даже будучи написаны «без стремления к благу и мудрости» — от «порождения коррупции в них самих от руки богачей» (469). В то же время, если казна города полна, правительство сумеет опередить богачей в привлечении на свою сторону народа, поскольку всегда сможет предложить ему большую цену за труд на благо общества, а не отдельных богатых людей (300). Макиавелли делает вывод, что «самое полезное для свободного общества — удержание его членов в бедности» (486). Он заканчивает рассуждение крайне выпендрено: он «сам мог показать в пространной речи, что бедность приносит гораздо более достойные плоды, чем богатство», но только «тексты многих других достойных мужей уже много раз освящали эту тему» (488).

Теперь мы видим, что Макиавелли по-прежнему озабочен вопросом фортуны своего родного города (как и в третьей книге «Рассуждений»). В первую очередь он напоминает нам, что, если город хочет сохранить свободу, важно, чтобы в конституции были закреплены «заслоны» расцвету клеветничества и недоверия по отношению к выдающимся людям. Затем он указывает, что этот принцип всегда «плохо соблюдался в нашем городе — Флоренции». Каждый, кто только «прочтет историю города, увидит, как много всегда существовало клеветников на сильных мира сего». Результатом становились бесчисленные распри, что в любом случае ограничивает свободу города и чего легко можно было избежать, если бы клеветников наказывали за обвинения (216).

Флоренция продолжала стремительно продвигаться к закреплению рабства, когда не смогла предотвратить создание Косимо Медичи партии, в которой были представлены интересы его собственной семьи. Макиавелли показал, какую стратегию необходимо избрать городу, чтобы противостоять гражданам, стремящимся ввергнуть его в пучину коррупции своим благосостоянием, — необходимо предложить гражданам большую цену за возможность служить общественным интересам. Вместо этого конкуренты Косимо Медичи пытались выкинуть его из Флоренции, тем самым вызвав негодование среди его последователей — и те немедленно «отозвали его обратно, сделали правителем республики, то есть предоставили пост, которого он никогда бы не достиг без участия этой открытой оппозиции» (266, 300).

Последний шанс защитить свободу Флоренция получила в 1494 году, когда Медичи снова был отправлен в ссылку, а республика была полностью восстановлена. В этот момент, однако, новые лидеры города под предводительством Пьеро Содерини совершили роковую ошибку, не сумев применить политику, которая, по мнению Макиавелли, должна соблюдаться при любом режиме. Всякий, кто «прочитал историю античного мира», знает: коль скоро произошел переворот «от тирании к республике», важно, чтобы «сыновья Брута» были убиты (424—425). Но Содерини «был уверен, что терпение и благородство смогут преодолеть пылкое стремление сыновей Брута вернуть предыдущий режим», поскольку верил, что «сможет погасить злобные интриги» без кровопролития и тем самым «достойно ликвидировать враждебность» (425). В результате этой шокирующей наивности сыновья Брута — то есть сторонники Медичи — возродили тиранию семьи при падении режима в 1512 году.

Содерини не сумел воплотить в действие главный макиавеллевский рецепт государственного управления. Он боялся совершить злодеяние, которое могло привести к благу, отказался разгромить своих противников, понимая, что для этого ему придется нарушить закон. Он также не захотел признать, что в результате этого недомыслия свобода города изначально была поставлена на карту. Он обязан был знать, что «его поступки и намерения будут судиться потом, по результату», и должен был осознавать, что, «если Фортуна и жизнь были с ним, он мог убедить каждого в том, что любое действие, которое он совершает, совершается во благо города, а не в угоду собственным [Содерини] интересам» (425). Последствия нежелания Содерини поступить мудро с сыновьями Брута были просто сокрушительны — он не просто «потерял свое положение и свою репутацию», он также потерял город и его свободу, поверг его жителей, своих соратников, в пучину рабства (425, 461). Как и в третьей книге «Рассуждений», Макиавелли заканчивает эту тему на высшей кульминационной ноте — открытым обличением лидера и правительства, которым сам служил.

Задачи империи

В самом начале второй книги «Рассуждений» Макиавелли отмечает, что его описание понятия «порядок», *ordini*, все еще остается наполовину незавершенным. Если город стремится достичь величия, ему необходимо развивать хорошие законы и государственные институты именно для того, чтобы убедить своих граждан поступать с высочайшей степенью *virtú* при решении частных, личных проблем. Следующим шагом при организации должного *ordini* станет воспитание граждан

таким образом, чтобы они проявляли *virtú* во внешних делах — при установлении военно-дипломатических отношений с другими королевствами и республиками (339). Объяснение этой мысли и занимает основную часть этой книги.

Потребность в дополнительных законах и государственных институтах проистекает из осознания того, что все республики и княжества сосуществуют в постоянной взаимной вражде. Люди никогда «не соглашаются жить только за счет собственных ресурсов», они всегда «склонны замахиваться на чужое» (194). Поэтому «республикам невозможно оставаться в покое и наслаждаться свободой» (379). Любой город, пытающийся сохранить такое положение вещей, вскорости падет жертвой собственной политики, и его удача будет колебаться «от взлетов до падений». Единственным выходом станет экспансия, и только так город «сможет защитить себя от нападения и разрушения от руки того, кто устремится противопоставить его величию собственное» (194). Забота о доминировании на внешней арене, таким образом, становится залогом сохранения свободы внутри собственного дома.

Как и ранее, для иллюстрации Макиавелли обращается к ранней истории Рима. В главе I он объявляет, что «не было другой республики» с таким образцовым *ordini*, настроенным на экспансию и завоевание, как Рим (324). Рим это благо получил благодаря Ромулу, первому законодворцу, который действовал с таким потрясающим предвидением, что город с самого начала смог развить необычайно огромное *virtú* в военных делах (332). Это — вместе с необыкновенно благоприятной Фортуной, — в свою очередь, дало городу возможность одержать серию блестящих

побед, проявить исключительную силу и удержаться на вершине величия (337, 341).

Как правильно рассудил Ромул, чтобы правильно управлять внешними делами города, необходимо соблюсти два основных правила. Во-первых, важно удерживать как можно больше граждан готовыми как к экспансии, так и к обороне города. Для этого нужно две вещи. Первое — и об этом говорится в главе II — нужно поощрять иммиграцию. Совершенно ясно, что городу для его военной мощи выгодно оставлять открытыми ворота для иностранцев, которые хотят в нем обосноваться (334). Второе — и об этом говорится в главе IV — нужно «найти себе союзников»: необходимо быть окруженным чужестранцами, которых удерживают в подчинении, но которые защищены вашими же законами, чтобы иметь возможность прибегнуть к их военной поддержке (336—337).

Следующим важным шагом должно было стать формирование военных сил. Чтобы использовать их максимально эффективно, а следовательно, лучшим образом послужить интересам родного города, важно было сделать любую войну «быстрой и сокрушительной». Так поступали римляне — «как только они объявляли войну», они всегда «стремительно направляли войска против врага и выигрывали битву». Никакая другая тактика, приходит Макиавелли к выводу, не является «более действенной и более выгодной», так как не дает возможности разговаривать с противником с позиции силы и ценой наименьших затрат (342).

Завершив разговор о военном *ordini*, Макиавелли продолжает обсуждать ряд более узких вопросов ведения войны, как эту войну вели римляне. Данная тема, пред-

ставленная в главе X, занимает оставшуюся часть второй книги трактата «Рассуждения», а потом развивается в более поздней работе — «Искусство войны».

Показателем растущего пессимизма Макиавелли относительно возможности вернуть военное *virtú* античности является то, что он приходит к отрицательным выводам. Вместо того, чтобы рассмотреть, как возродить *virtú* и привести город к величию, автор полностью концентрируется на тактиках и стратегиях, которые приводили к ошибкам и, тем самым, влекли «смерть и разрушение» вместо победы (377—378). Результатом стал целый ряд увещаний и предостережений. Макиавелли считает неблагоприятным принимать общепринятую максиму о том, что «богатство есть движущая сила войны» (348—349). Опасно действовать, колеблясь или оттягивая решение (361). Грубейшее упущение думать, что успех в войне непременно определяется артиллерией (367, 371). Нет никакого смысла в том, чтобы задействовать дополнительных наемных солдат, — аргумент, напоминает Макиавелли, который уже обсуждался в другой работе (381). Бесплезно во время войны, а в период мира просто вредно, полагаться на фортификацию как основную систему защиты (394). Опасно не давать гражданам удовлетворяться мщением, если они чувствуют себя оскорбленными (405). И худшей ошибкой из всех станет отказ прийти к соглашению, когда вас атакует более сильный враг, и пытаться вместо этого принять бой при явно неравных шансах (403).

Причина, по которой Макиавелли защищает эти положения, всегда одна. Современное ему общество не может заставить себя признать, что, если стремишься достичь гражданской славы, то качество, которое прежде всего нужно

развивать в армии — а также полагать, что оно присутствует и в армии противника, — это *virtú*, то есть стремление оставить все мысли о личной безопасности и личных интересах для того, чтобы защищать свободу родной страны.

Составив такой перечень действий, Макиавелли обращает внимание, что существует опасность возродить исключительную *virtú* против тех, кто также ее использует. Поэтому так опасно полагаться на фортификацию. Безопасность, которую обеспечивают крепости, «позволяет действовать, быстро и без колебаний разя врага», однако «именно эти ваши действия возбуждают противника настолько, что даже крепость, изначально являющаяся причиной вашей собственной отваги», не сможет защитить от его яростных атак (393). Это же относится и к тому, когда гражданам отказывают в мести за обиду и ранения. Почувствовавший себя жестоко оскорбленным может развить в своей ярости *virtú* исключительно высокой степени, и ответ обидчика будет такой силы, что нанесет еще большие повреждения, как это произошло с Павсанием, который покушался на Филиппа Македонского в отместку за то, что тот не дал ему совершить отмщение за бесчестье (405—406).

Опасность возникает также и тогда, когда фортуна благоволит людям, у которых недостает качества *virtú* — заботы об общественных интересах. Это то, что происходит, когда политические решения затянуты или принимаются в колебаниях. То есть безопаснее считать, что те, кто мешает принятию решений, обычно руководствуются собственными эгоистичными интересами и тем самым ослабляют правительство (361). То же касается использования наемных или запасных войск. Поскольку такие войска почти всегда

коррупцированы, «они всегда предадут того, кто нанял их, подобно врагу, против которого и ведется война» (382).

Самой же опасной ошибкой является неспособность осознать, что *virtú* значит больше, чем остальные качества, и в военных делах, точно так, как в гражданских. Поэтому столь вредно измерять шансы врага по его благосостоянию, вместо того чтобы измерить его *virtú*, ведь «война творится сталью, а не золотом» (350). Также глупо рассчитывать в победе на артиллерию. Макиавелли допускает, конечно же, что римляне «достигали бы своих целей гораздо быстрее, если бы у них были ружья» (370). Но он настаивает, что серьезной ошибкой было бы думать, что «граждане не могут проявить *virtú*, как это было в античности, только потому, что у них появилось огнестрельное оружие» (367). Далее он приходит к достаточно оптимистичному выводу, что «артиллерия полезна в армии, когда она сочетается с *virtú* древних, и бесполезна в армии, лишенной этого качества» (372). В конце концов те же соображения объясняют, почему особенно опасно отказываться в переговорах превосходящему в силе противнику. Ожидать в этом случае победы значит просить большего, чем реалистично требовать даже от самых доблестных, *virtuoso*, войск, и, следовательно, «пытаться повлиять на исход кампании, рассчитывая только на Фортуну», поскольку «благоразумный человек не рискует понапрасну» (403).

В двух оставшихся книгах «Рассуждений» Макиавелли приводит бичующее сравнение коррупции, царящей в его родном городе, с образцовым *virtú* древнего мира. Флорентийцы могли с легкостью «воспользоваться средствами, к которым прибегали римляне» в военных делах, и «последовать их примеру» (380). Но фактически они не

учитывали опыта славных предков и потому попадали в ловушки (339). Римляне прекрасно понимали опасность нерешительности. Однако флорентийские лидеры никогда не были в состоянии осмыслить этот очевидный урок истории, в результате чего приносили «вред и разруху в республику» (361). Римляне всегда признавали бесполезность запасных и наемных войск. Но флорентийцы, наряду с другими республиками и княжествами, по-прежнему оказывались бесполезно униженными тогда, когда полагались на свои трусливые коррумпированные войска (383). Римляне понимали, наблюдая за союзниками, что политика «укрепления фортификации как средства поддержания веры» в войсках только вскармливала в них отчаяние и незащищенность. Наоборот, «во Флоренции, руководимой нашими мудрыми правителями, считается, что Пиза и другие республики должны укрепляться крепостями» (392). В конце концов — и здесь все повествование пронизано болью — Макиавелли делает своеобразный гамбит, свой самый иррациональный вывод: он клеймит моменты, когда искушают Фортуны, намеренно избегая переговоров с превосходящим в силе противником. Античная история доказывает, что дразнить Фортуны — безрассудство. А это как раз то, что сделали флорентийцы, когда армия Фердинанда пришла в город летом 1512 года. Вскоре после того, как испанцы пересекли границу, они обнаружили, что у них недостаточно провианта, и предложили перемирие (403). Однако «народ Флоренции надменно отказался от мира» (403). Незамедлительным итогом стало разграбление Прато, капитуляция Флоренции, уничтожение республики и восстановление тирании Медичи — всего этого легко можно было бы избежать. Как и ранее, Макиавелли чувствует бесильный гнев на врагов режима, которому он сам служил.

Глава 4

Летописец Флоренции

Цель истории

Вскоре после окончания трактата «Рассуждения» Фортуна неожиданно вмешалась в судьбу Макиавелли — его взяли под патронаж правительства Медичи, обеспечив тем самым положение, которого он страстно желал. Лоренцо де'Медичи, которому политик переадресовал посвящение работы «Государь» после смерти Джулиано в 1516 году, спустя три года преждевременно скончался. Контроль над Флоренцией перешел к его кузену, кардиналу Джулио, вскоре рукоположенным папой Клементом VII. Кардинал, как оказалось, был знаком с ближайшим другом Макиавелли, Лоренцо Строцци, которому Макиавелли впоследствии посвятил работу «Искусство войны». В результате Макиавелли смог предстать при дворе Медичи в марте 1520 года и вскоре после этого получил надежду на важное поручение — скорее литературного, чем дипломатического толка. Его предположения реализовались — в ноябре того же года он получил задание от Медичи написать историю Флоренции...

Создание труда «История Флоренции» заняло у Макиавелли почти весь остаток жизни. Это самая объемная и

наиболее неторопливая его работа. Кроме того, в написании он тщательнейшим образом следовал своим любимым классическим авторам. Два основных постулата античного мира — а следовательно, и эпохи гуманизма — состоят в том, что историографы, описывая историю, должны стремиться выводить из нее моральные уроки и таким образом подбирать и организовывать материал, чтобы впоследствии максимально подчеркнуть мораль. Саллюстий¹¹, например, сформулировал два получивших известность выражения, помогавших лучше осознать мораль. В работе «О югуртинской войне» он утверждает, что цель историка должна состоять в том, чтобы описать прошлое «с пользой» (IV.1—3). А в «Войне с Катилиной» подчеркивает, что правильный подход к истории состоит в «пропорции» — определении того, что достойно быть упомянутым, и важно не пытаться преподнести исчерпывающую хронику событий (IV.2).

Макиавелли был крайне прилежен в исполнении этих двух требований, что обнаруживается в отдельных реминисценциях в работе. Книга II, например, заканчивается рассказом о том, как афинский царь ступил во Флоренцию в 1342 году как тиран и в последующий год был удален от власти. Книга III сразу переходит к следующему характерному эпизоду — восстанию чомпи¹² в 1378 году — после

¹¹ Гай Саллюстий Крисп (86—35 до н. э.), римский историк. До нас дошли две его работы: «О заговоре Катилины» и «О югуртинской войне».

¹² Чомпи — чесальщики шерсти и другие наемные рабочие сукнодельческих мануфактур в итальянских городах. Тяжелые условия труда, низкая заработная плата, высокие штрафы стали причинами ряда восстаний чомпи. Первое выступление произошло во Флоренции в 1345 г. под руководством чесальщика шерсти Чучо Брандини.

полувека интервенции. Сходным образом она описывает реакцию на революцию в 1378 году, а в книге IV рассказывается о другом сорокалети — о том, как пришел к власти Медичи.

Еще одно ограничение, накладываемое на историка-гуманиста, заключается в воспитании «предписывающего» риторического стиля — с тем, чтобы представить самые характерные эпизоды в самой запоминающейся манере. Как Саллюстий заявил в «Войне с Катилиной», история требует, чтобы «стиль и изложение были равны по силе воздействия описываемым событиям» (III.2). И снова Макиавелли воспринимает это идеальное требование крайне серьезно — летом 1520 года он приступает к созданию «образца» стиля для написания книг по истории. Черновик работы распространили среди его друзей по кружку «Сады Оричеллари», и мнение читателей очень интересовало автора. В качестве темы он выбрал биографию Каструччо Кастракани, тирана, правившего в Лукке в начале XIV века. Однако детали жизни Кастракани — некоторые из них Макиавелли просто придумал — представляют для него меньший интерес по сравнению со схемой их подачи, описания: эти детали должны были быть

Эта забастовка была подавлена. В 1378 г. (с 22 июня по 31 августа) во Флоренции вспыхнуло новое восстание чомпи, к которым присоединились бедные ремесленники сукнодельческих цехов. Восставшие требовали улучшения своего положения и политических прав; повышения заработной платы на 50 %; предоставления мест в правительственных органах; организации нового цеха наемных рабочих (только члены цехов были во Флоренции полноправными гражданами); ликвидации должности «чужеземного чиновника» (надсмотрщика за работой и поведением наемных рабочих).

представлены иерархически, согласно значимости, в приподнятом и назидательном стиле. Описание рождения Каструччо выполнено высокохудожественно, но это позволило автору воспеть силу Фортуны в свершении человеческих судеб (533—534). Момент, когда юный Каструччо, получивший богословское образование, впервые обращается к оружию, предоставляет Макиавелли возможность развернуть целое поэтическое эссе о противостоянии клинка и слова (535—536). А речь умирающего раскаявшегося тирана отсылает нас к традиции античных историографов (553—554). В повествование вплетено бесчисленное множество афоризмов, многие из которых заимствованы из «Жизнеописания философов» Диогена Лаэртского (555—559).

Друзья Макиавелли Аламанти и Буондельмонти восприняли работу «Жизнь Каструччо» как масштабный труд, который автор только собирается создавать. В одном из писем в сентябре 1520 года Буондельмонти говорит о манускрипте как «образце для вашей истории» и комментирует его «главным образом с точки зрения языка и стиля». В этом анализе нашлось место для восторженных отзывов о риторических пассажах — Буондельмонти утверждал, что самое большое наслаждение ему доставил предсмертный монолог. Он сказал Макиавелли то, что тот более всего хотел услышать, коль скоро готовился взойти на литературную стезю: «нам всем кажется, что теперь вы с полным правом можете приступить к написанию вашей Истории» (С 394—395).

Когда Макиавелли несколько месяцев спустя начал писать «Историю», он старательно использовал «апробированные» стилистические приемы. Книга составлена

Рис. 5. Рабочий стол Макиавелли в его доме в Сан-Андреа (Перкусина, юг Флоренции). Здесь в 1513 г. был написан трактат «Государь»

в афористическом ключе, полна антитез, представление всех пунктов политической теории выверено с точки зрения риторики. В книге II, например, рассказывается, что одна из синьорий создается в целях противостояния царю Афин, и в тексте содержится страстное обращение к «свободе, которую не сокрушит ни одна сила, не подточит время и не соблазнит никакая лучшая доля» (1124). В следующей книге один из рядовых граждан в такой же высокопарной речи, адресованной синьории, призывает граждан служить исключительно интересам общества, то есть Макиавелли вновь обращается к теме *virtú* и коррупции (1145—1148). И в книге V устами Ринальдо дели Альбицци автор рассказывает о герцоге Миланском и его противостоянии крепнущему влиянию Медичи — здесь опять декларируется идея *virtú*, порицается коррупция и звучит призыв к патриотическому долгу членов общества: хранить верность родному городу, который «одинаково любит всех своих граждан» и перед которым, «более чем перед всеми остальными, необходимо склоняться в поклоне» (1242).

Самый важный урок, который гуманисты почерпнули в наследии авторитетов классического периода, было понимание того, что историки должны концентрировать внимание на всех, даже самых малых достижениях предков, а это, в свою очередь, приведет к более полному пониманию значимости дел больших. Хотя великие историки Рима имели склонность к пессимистическому взгляду на вещи и крайне пространно рассуждали на тему роста коррупции в мире, это обычно и подвигало их еще более страстно настаивать на долге историка способствовать наступлению лучших дней. Как объясняет Саллюстий в «Югуртинской войне», только именно благодаря «памяти о славных

деяниях» мы можем ощутить «дыхание сильных мира сего», которое вдохновит нас той *virtú*, которая «по силе способно сравняться с *virtú* славных отцов и дедов» (IV.6). Более того, именно из-за того, что у исторического труда есть свойство являться панегириком, гуманисты эпохи Ренессанса так тщательно изучали работы Ливия, Саллюстия и их современников. Это отчетливо видно, например, в требовании, которое предъявляется к истории в посвящении к работе «История народа Флоренции», которую канцлер Поджо Браччолини завершил в 1450 году. Это требование гласит: «великая польза по-настоящему правдивой истории» заключается в том факте, что «мы можем наблюдать то, что может быть реально достигнуто при помощи *virtú* самых выдающихся людей». Мы видим, как ими руководит желание «славы, для свободы своей страны, для блага своих детей, богов и всего человечества». И мы оказываемся «так возвышенно пробуждены» их прекрасным примером, «как если бы они пришпорили нас», чтобы соперничать величием*.

Нет никаких сомнений, что Макиавелли был прекрасно знаком с этим аспектом историографии гуманизма, поскольку в предисловии к своей книге «История Флоренции» восторженно отсылает к работе Поджо (1031). Однако в этот момент — после того как отдал дань такому гуманистическому подходу — он внезапно нарушает ожидания, которые изначально подготовил в нас. В самом начале книги V, когда Макиавелли обращается к изучению Флоренции в предшествующий век, он объявляет, что «поступки,

* Poggio Bracciolini, "Historiae Florentini Populi" in *Opera Omnia*, ed. R. Fubini, 4 vols (Turin, 1964), II, 91—94.

совершенные нашими правителями, за границей или внутри государства, не могут, как это было в сходных ситуациях во времена античности, быть прочитаны с изумлением относительно их *virtú* и величия». Просто невозможно «рассказывать о храбрости солдат, или *virtú* генералов, или же любви граждан к своей стране». Сейчас можно говорить только о растущей коррупции в мире, где мы видим, «с какой хитростью и при помощи каких схем правители, солдаты, главы республик, чтобы стяжать репутацию, которой они не заслуживают, продолжают вершить свои дела». Макиавелли, таким образом, с точностью до наоборот по отношению к превалирующему предположению выстраивает схему умозаключений о целях истории: вместо того, чтобы излагать историю так, чтобы она «вызывала свободный дух подражания», он надеется «вызвать такой дух, чтобы избежать настоящих злоупотреблений» (1233).

В целом «История Флоренции» затрагивает тему заката республики. Книга I описывает коллапс Римской империи на западе и приход варваров на территорию Италии. Конец книги I и начало книги II описывают, «как новые города и новые доминионы родились из руин Рима и продемонстрировали такую *virtú*», что смогли «освободить Италию и защитить ее от варваров» (1233). Однако после периода краткого успеха — о чем говорит Макиавелли начиная с середины книги II и до конца книги VIII, где он заканчивает повествование 1490-ми годами, — вновь развивается история коррупции и разрушения. Самое большое падение произошло к 1494 году, когда случилось последнее, самое унижительное событие: Италия «снова обратилась в рабство» перед варварами, которых изначально сама же изгнала (1233).

Закат Флоренции

Главная тема работы «История Флоренции» — коррупция. Макиавелли описывает, как ее пагубное влияние охватывало Флоренцию, душило свободу в городе и в конце концов отбросило его в тиранию и бесчестие. Как и в «Рассуждениях» — которым он близко следует — автор выделяет два потенциально слабых места, способствующих развитию коррупции. Во введении Макиавелли разделяет эти две причины и представляет свое мнение. Во-первых, существует постоянная опасность коррупции при управлении внешней политикой, когда наличествует стремление развернуть войну и вести ее потом в нерешительности и трусости. Во-вторых, та же опасность подстерегает и «дома» внутри страны, когда коррупция вызвана растущими гражданскими распрями и эскалацией враждебного настроения (1030—1031).

Макиавелли

В книгах V и VI Макиавелли рассказывает о внешней политике Флоренции. Однако он не пытается, как это было в «Рассуждениях», представить детальный анализ стратегических просчетов и ошибок города. Он предлагает серию иллюстраций, высмеивающих военное слабосилие Флоренции. Это дает возможность сохранить принятые обязательства повествователя-гуманиста, который обрабатывает опыт самых выдающихся битв и в то же время пародирует их содержание. Эпизоды, упоминаемые Макиавелли, носят скорее нелепый, чем способствующий укреплению воинской славы характер. Например, когда он пишет о великой битве при Загонаре в 1424 году (в самом начале войны против Милана), он сначала заявляет, что она произошла в период, когда Флоренция терпела поражение, и что об этой битве стало известно всей Италии. Затем он

добавляет, что «в этой битве не погиб никто, кроме трех флорентийцев, свалившихся с лошадей и захлебнувшихся в грязи» (1193). Потом в подобной же сатирической манере он обращается к известной победе Флоренции в битве при Ангьяри в 1440 году. Во время этого длительного сражения, — снова отмечает Макиавелли, — «погибло не более одного человека, и тот скончался не от ран или на поле брани, а упал с лошади и был ею затоптан» (1280).

Оставшаяся часть «Истории» есть печальная летопись развития коррупции внутри самого города. Когда Макиавелли обращается к теме в начале книги III, он в первую очередь поясняет, что зарождение ситуации — как упоминалось и в «Рассуждениях» — это явление тенденции, при которой гражданские институты и законы устраиваются не к общественной выгоде, а для удовлетворения интересов отдельных людей или групп (1140). Он критикует своих великих предшественников, Бруни и Поджо, за то, что они не уделили должного внимания этой опасности, когда писали свою историю города (1031). Он настаивает, что рост враждебности внутри общества ведет к потере *virtú*, добродетели, и тем самым «зло вползает в город», как исчерпывающе показал опыт города Флоренция (1140).

В начале Макиавелли безоговорочно признает тот факт, что между народом и знатью любого города существует естественная враждебность, так как последние всегда стремятся управлять, первые не хотят быть порабощенными. Как и в трактате «Рассуждения», автор далек от мысли, что этого положения вещей можно избежать. Он повторяет свое предыдущее утверждение, что «какие-то виды деления в республике наносят ей вред, а какие-то, наоборот, идут на

пользу. Вредят те, которые способствуют делению на сторонников и группировки; приносят пользу те, которые без этого обходятся». Поэтому цель благоразумного законодателя не стремиться сделать так, чтобы не было врагов, — он должен делать только так, чтобы не было группировок, из которых неминуемо развивается враждебность (1336).

Во Флоренции, однако, внутренняя враждебность всегда развивалась «из-за группировок» (1337). В результате город стал одним из несчастных обществ, приговоренных колебаться меж двух одинаково разрушительных полюсов — даже не между «свободой и рабством», а скорее между «рабством и злоупотреблением свободой». Обычные люди становились «подстрекателями к злоупотреблению свободой», тогда как знать «склоняла остальных к рабству». Беспомощный город в результате «шатался от тирании к распущенности нравов», а обе группировки становились такими мощными врагами друг для друга, что ни о какой стабильности и речи быть не могло (1187).

Для Макиавелли история внутренней политики Флоренции начиная с XIII века выглядит как серия метаний между двумя крайностями; во время этих пертурбаций свобода города разлетелась на кусочки. Книга II начинается рассказом о XIV веке — приходе к власти знати. Это привело к тирании царя Афин в 1342 году, и граждане «увидели, как рушится величие их государства, уничтожаются обычаи страны, а ее статус нивелируется» (1128). Соответственно, они обернулись против тирана и преуспели в создании режима народовластия. Однако — продолжает Макиавелли свою мысль в книге III — это, в свою очередь, выродилось в ситуацию, когда «неуправляемая толпа» умудрилась захватить

контроль над республикой в 1378 году (1161—1163). В следующий раз маятник качнулся в сторону власти «аристократов от народа», когда к середине XV века они снова попытались вернуть свободу народу, тем самым поощряя возникновение новой формы правительства тирании (1188).

На самом деле, когда Макиавелли пришел к этой финальной фазе своего повествования в книгах VII и VIII, он представил этот аргумент очень туманно и осторожно. Центральная тема неразрывно связана с подъемом Медичи, и он отчетливо ощущает, что должно быть сделано некоторое попущение, учитывая тот факт, что именно эта семья дала ему возможность написать его «Историю». Тем не менее, хотя Макиавелли страдал, стремясь скрыть свою враждебность, легко восстановить его истинные чувства относительно участия Медичи во флорентийской истории — это можно сделать, если мы сложим вместе некоторые фрагменты его аргументации, которые Макиавелли старался помещать в разные части работы, обеспечивая тем самым себе некоторую защиту.

Книга VII начинается пространным рассуждением о тех хитрых средствах, при помощи которых выдающийся правитель мог надеяться испортить свой народ, провоцируя появление группировок и стремясь получить абсолютную власть для себя. Вопрос этот был старательно разработан в «Рассуждениях», и Макиавелли преимущественно сводит все к повтору своих более ранних аргументов. Большая опасность заключается в том, что, как считает автор, богатые могут использовать капитал для «приобретения сторонников, которые пойдут за ними только ради собственной выгоды», вместо того чтобы следовать интересам обществу. Он также добавляет, что есть два основных

способа, при помощи которых это можно сделать. Один — «оказывать поощрение самым разным гражданам, защищая их от магистрата, помогая деньгами и незаслуженными подарками». Другой путь — «ублажать массы зрелищами и публичными дарами», проводя дорогостоящие публичные акции, чтобы получить рассчитанную победу и заставить людей предать собственную свободу (337).

Если мы обратимся с этим анализом к двум последним книгам «Истории», нетрудно будет проследить интонацию отвращения, подлежащую экспансивному макиавеллевскому описанию успешного правления семьи Медичи. Он начинает с Косимо, которому возносит панегирик в главе V книги VII, расхваливая его за то, «что он всех превзошел» не только по «влиятельности и благосостоянию, но также в либерализме». Вскоре становится понятно, тем не менее, что Макиавелли имел в виду, что к моменту смерти Медичи «в городе не осталось гражданина, которому Косимо не одолжил бы энной суммы денег» (1342). Зловредные насмешки над такой «щедростью» крайне заметны. Другой эпизод касается сына Косимо, Пьеро де Медичи. Сначала о нем рассказывается, как о «достойном и честном муже», но вскоре выясняется, что собственное чувство чести допустило его санкционировать серию кавалерийских турниров и других празднеств, настолько пышных, что город готовился к их проведению несколько месяцев (1352). Однако еще ранее Макиавелли предупреждал нас о вредном влиянии такого вопиющего заигрывания с массами. В конце концов, когда Макиавелли добрался до времени правления Лоренцо Великолепного — периода его собственной ранней юности, — он не скрывает отчетливых нот антипатии. На этом этапе он заявляет: «Фортуна и свобода», как ее

представляли Медичи, проделали такую сокрушительную работу, «что люди сделались глухи» к великой идее отбросить тиранию Медичи, следовательно, больше «Флоренция не знала Свободы» (1393).

Последнее несчастье

Несмотря на то что во Флоренции произошел рецидив тирании, несмотря на возвращение варварства, Макиавелли чувствовал, что может спокойно размышлять о судьбах Италии, потому что она избежала худшего исхода. Хотя варвары и одерживали победы, они не смогли занести меч над ее главными городами. Как Макиавелли отмечает в «Искусстве войны», хотя была разграблена Тортона, но оставались нетронутыми Милан, Капуя, Неаполь, Бреша, Венеция и — наконец и что более всего символично — Равенна и Рим (624).

Макиавелли следовало лучше усвоить, что не стоит испытывать Фортуны такими самоуверенными сантиментами, поскольку в мае 1527 года случилось немыслимое. В предыдущий год Франциск I предательски вошел в Лигу¹³, чтобы восстановить власть над частью Италии, которую был вынужден отдать после сокрушительного поражения от руки империи в 1525 году. Отвечая этому вызову, Карл V приказал армии вернуться в Италию весной 1527 года. Однако

¹³ Имеется в виду Коньякская лига, организованная при поддержке Англии в мае 1526 г. для изгнания имперских войск; в Лигу вошли Франция, папа Климент VII, Венеция, Флоренция, герцог Милана.

войскам не платили, поэтому они плохо подчинялись и, вместо того чтобы идти в атаку, направились напрямик в Рим. Войдя в незащищенный город 6 мая, они в течение четырех дней разграбили его настолько кощунственно, что ужаснулся весь христианский мир.

После падения Рима Клименту VII пришлось спастись бегством. С потерей папства непопулярное правление Медичи во Флоренции немедленно рухнуло. Шестнадцатого мая городской совет собрался, чтобы объявить восстановление республики, и на следующее утро князя Медичи покинули город, отправившись в ссылку.

Для Макиавелли, с его стойкими республиканскими симпатиями, восстановление свободного правления во Флоренции должно было стать моментом триумфа. Но ввиду его связи с семьей Медичи, оплачивавшей труд политика предыдущие шесть лет, Макиавелли казался молодому республиканскому правлению стареющим и незначительным деятелем дискредитировавшей себя тирании. Хотя Макиавелли, по-видимому, питал надежды восстановить свое положение при втором канцлерстве, не было никаких сомнений, что ему не будет работы в правительстве, оппозиционном Медичи.

Ирония этих событий подорвала дух Макиавелли, вскоре он заболел и больше уже не мог выздороветь. История о том, что накануне смерти он потребовал к себе священника для исповеди, много раз цитировалась биографами Макиавелли, но это, несомненно, ханжеское изобретение более позднего периода. Макиавелли всегда с пренебрежением относился к религиозным обрядам, и нет свидетельств, что его отношение по этому поводу изменилось перед смертью.

Он умер 21 июня 1527 года в окружении семьи и друзей и на следующий день был похоронен в церкви Санта-Кроче.

От самого дня смерти Макиавелли, более других являвшегося теоретиком политики, существовал постоянный искус преследовать его и в могиле, обобщить его опыт и вынести вердикт его философии. Перед этим соблазном — обратить в руины построенное Макиавелли здание политики — просто невозможно было устоять, и процесс этот продолжается по сей день. Некоторые из первых критиков Макиавелли, такие как Фрэнсис Бэкон, смогли признать, что «мы очень благодарны Макиавелли и другим, кто описывал, что люди делали, а не то, что им следовало делать». Но большинство читателей Макиавелли были настолько шокированы его точкой зрения, что просто объявили его исчадьем ада или даже самим дьяволом. Наоборот, современные комментаторы подошли к наиболее жестким доктринам Макиавелли как уже искушенные личности. Но некоторые из них, особенно Лео Штраус и его ученики, не раскаиваясь, продолжали защищать традиционную точку зрения о том, что (как это формулирует Штраус) Макиавелли можно характеризовать только как «учителя зла».

Задача историка, однако, служить ангелом-летописцем, и никак не судьей. Единственное, к чему я стремился на предыдущих страницах, — это всего лишь вызвать прошлое в событиях, коль скоро оно происходило перед настоящим, и не пытаться применить к прошлому стандарты настоящего, потому что когда-нибудь и они могут быть отвергнуты, а сейчас используются для того, чтобы прошлое воспеть или обвинить. Надпись на могиле Макиавелли гласит: «Ни одна эпитафия не способна передать истинное величие его имени».

Труды Макиавелли, цитируемые в тексте

1. *The Art of War* («Искусство войны»), in *Machiavelli: The Chief Works and Others*, trans. A. Gilbert, 3 vols (Durham, NC, 1965), p. 561—726.
2. *Caprices /Ghiribizzi/* («Фантазии»), in R. Ridolfi and P. Ghiglieri, “I Ghiribizzi al Soderini”, *La Bibliofilia*, 72 (1970), p. 71—74
3. *Correspondence /Lettere/* («Послания»), ed. F. Gaeta (Milan, 1961).
4. *Discourses on the first Decade of Titus Livius* («Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия»), in *Machiavelli*, trans. Gilbert, p. 175—529.
5. *The History of Florence*, in *Machiavelli*, trans. Gilbert, «История Флоренции», 1025— 1435.
6. *The Legations /Legazioni e commissarie/* («Искусство дипломатии»), ed. S. Bertelli, 3 vols (Milan, 1964).
7. *The Life of Castruccio Castracani of Lucca* («Жизнеописание Каструччо Кастракани из Лукки»), in *Machiavelli*, trans. Gilbert, p. 533—559.
8. *The Prince* («Государь»), ed. Q. Skinner and R. Price (Cambridge, 1988).
9. *A Provision for Infantry* («Поучение о пехоте»), in *Machiavelli*, trans. Gilbert, 3.

Дополнительная литература

Библиография

Silvia Ruffo, *Niccolo Machiavelli: An Annotated Bibliography of Modern Criticism and Scholarship* (New York, 1990)

— книга построена на материале научных разработок последних 50 лет

Roberta Talamo, "Quentin Skinner interprete di Machiavelli", *Croce Via* 3 (1997), p. 80—101

— в данной книге представлен анализ подхода к вопросу самого К. Скиннера

Биография

Roberto Ridolfi, *The Life of Niccolo Machiavelli*, trans. Cecil Grayson (1963)

— книга остается основной библиографической работой

Sebastian de Grazia, *Machiavelli in Hell* (Princeton, 1989)

— работа являет собой нетрадиционный опыт интеллектуальной биографии

John M. Najemy, *Between Friends: Discourses of Power and Desire in the Machiavelli — Vettori Letters of* (Princeton, 1993)

— книга рассказывает о периоде, когда был написан «Государь»
Maurizio Viroli, *Il sorriso de Niccolo: Storia di Machiavelli* (Rome, 1998)

— в книге представлена самая последняя версия биографии

Политика

Nicolai Rubinstein, *The Government of Florence under the Medici 1434—1494* (Oxford, 1966)

— в данной работе представлена история периода взросления Макиавелли

Donald Weinstein, *Savonarola and Florence* (Princeton, 1993)

— в данной книге можно почерпнуть информацию о Флоренции 1490-х гг.

“Machiavelli and the Republican Experience”, essays by Nicolai Rubinstein, Elena Fasano Guarini, Giovanni Silvano, Robert Black, and John M. Najemy — in *Machiavelli and Republicanism*, ed. Gisela Bock, Quentin Skinner, and Maurizio Viroli (Cambridge, 1990), p. 1—117

Rudolf von Albertini, *Firenze dalla repubblica al principato* (Turin, 1970)

— автор рассказывает о злоключениях Флоренции в эпоху Макиавелли, об этом же в книгах:

H. C. Butters, *Governors and Government in Early Sixteenth-Century Florence, 1502—1519* (Oxford, 1985)

J. N. Stephens, *The Fall of the Florentine Republic, 1512—1530* (Oxford, 1983)

Интеллектуальный контекст

P. O. Kristeller, *Renaissance Thought*, 2 vols (New York, 1961—1965)

— эссе, собранные в этом издании, должны быть прочитаны в обязательном порядке

The Cambridge History of Renaissance Philosophy, ed. Charles Schmitt, Eckhard Kessler, Quentin Skinner, and Jill Kraye (Cambridge, 1988)

— книга позволит составить исчерпывающее представление о жизни в эту эпоху

Hans Baron, *The Crisis of the Early Italian Renaissance* (revised edn, Princeton, 1966)

— книга предлагает ознакомиться с точкой зрения на «гражданский гуманизм», принятой в классический период, а также об этом:

Donald J. Wilcox, *The Development of Florentine Humanist Historiography in the Fifteenth Century* (Cambridge Mass., 1969)

Peter Godman, *From Poliziano to Machiavelli: Florentine Humanism in the High Renaissance* (Princeton, 1998)

Quentin Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought*, 2 vols (Cambridge, 1978)

— в данной книге представлен обзор политической теории периода, а также в:

The Cambridge History of Political Thought 1450—1700, ed. J. H. Burns and Mark Goldie (Cambridge, 1991)

О работах Макиавелли на тему политики

Gennaro Sasso, *Niccolo Machiavelli I. Il pensiero politico* (Bologna, 1980)

— в данной книге представлен полный обзор работ Макиавелли

Felix Gilbert, *Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-Century Italy* (revised edn, New York, 1984)

— труд является классической работой по данной теме

Mark Hulliung, *Citizen Machiavelli* (Princeton, 1983)

— автор книги концентрируется на видении Макиавелли во-просов классического гуманизма

Leo Strauss, *Thoughts on Machiavelli* (Glencoe, ill., 1958)

— автор работы рассказывает о Макиавелли как об «учителе зла»

John H. Geerken, Marcial L. Colish, Cary J. Nederman, Benedetto Fontana, and John M. Najemy — in the *Journal of the History of Ideas* (1999), p. 579—681

— в данной работе раскрывается проблема места религии, отведенного Макиавелли в его работах

Anthony J. Parel, *The Machiavellian Cosmos* (New Haven, 1992)

Политический словарь Макиавелли

J. H. Whitfield, 'On Machiavelli's Use of *Ordini*' in *Discourses on Machiavelli* (Cambridge, 1969), p. 141—162

J. H. Hexter, 'Il Principe and lo stato' in *The Vision of Politics on the Eve of the Reformation* (London, 1973), p. 150—178

Russell Price, 'The Senses of *Virtú* in Machiavelli' in *European Studies Review* 4 (1973), p. 315—345

Russell Price, 'The Theme of *Gloria* in Machiavelli' in *Renaissance Quarterly* 30 (1977), p. 588—631

Victor A. Sarti, *La 'Gloria' nel pensiero di Machiavelli* (Ravenna, 1979)

Quentin Skinner, 'Machiavelli on the Maintenance of Liberty' in *Politics*, 18 (1983), p. 3—15

Hanna Fenichel Pitkin, *Fortune is a Woman: Gender and Politics in the Thought of Niccolo Machiavelli* (Berkeley, Cal., 1984)

Russell Price, 'Self—Love, "Egoism" and *Ambizione* in Macchiavelli's Thought' in *History of Political Thought* 9 (1988), p. 237—261.

Harvey C. Mansfield, *Macchiavelli's Virtue* (Chicago, 1996)

Nancy S. Struever, *The Language of History in Renaissance: Rhetoric and Historical Consciousness in Florentine Humanism* (Princeton, 1970)

Brian Richardson, 'Notes on Macchiavelli's Sources and His Treatment of the Rhetorical Tradition', *Italian Studies* 26 (1971), p. 24—48

Victoria Kahn, *Machiavellian Rhetoric from the Counter—Reformation to Milton* (Princeton, 1994)

Quentin Skinner, 'Thomas Hobbes: Rhetoric and the Construction of Morality' in *Proceedings of the British Academy* 76, p. 1—61

— в книге освящается проблема использования Макиавелли приема риторического пересказа

Virginia Cox, 'Machiavelli and the *Rhetorica and Herennium*: Deliberative Rhetoric in *The Prince*' in *Sixteenth Century Journal* 28 (1997)

— данный автор напрямую связывает вокабуляр Макиавелли с *ars rhetorica* (искусством риторики) Рима

Maurizio Viroli, *Machiavelli* (Oxford, 1998)

— автор данной книги уделяет внимание особенному, риторическому типу мышления Макиавелли

Научные труды о трактате «Государь»

Hans Baron, 'Machiavelli: The Republican Citizen and the Author of *The Prince*' in *The English Historical Review* 76 (1961), p. 217—253

Felix Gilbert, 'The Humanist Concept of the Prince and *The Prince* of Machiavelli' in *History: Choice and Commitment* (Cambridge, Mass., 1977), p. 91—114

Marcia Colish, 'Cicero's *De Officiis* and Machiavelli's *Prince*' in *Sixteenth Century Journal* 9 (1978), p. 81—94

J. Jackson Barlow, 'The Fox and the Lion: Machiavelli Replies to Cicero's' in *History of Political Thought* 20 (1999), p. 627—645

Научные труды о трактате «Рассуждения»

G. A. Pocock, *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition* (Princeton, 1975), Part II, 'The Republic and its Fortune', p. 81—330

— в работе представлена академическая интерпретация текста «Рассуждений»

Maurizio Viroli, *From Politics to Reason of State: The Acquisition and Transformation of the Language of Politics, 1250—1600* (Cambridge, 1992)

— труд представляет собой более масштабный обзор республиканских взглядов политика

Harvey Mansfield, *Machiavelli's New Modes and Orders* (Ithaca, 1979)

— автор предлагает поглавный комментарий к «Рассуждениям»

Felix Gilbert, 'The Composition and Structure of Machiavelli's *Discorsi*' in *History: Choice and Commitment*, 1977, p. 115—133

Felix Gilbert, 'Bernardo Rucellai and the Orti Oricellari: A Study on the Origin of Modern Political Thought' in *History: Choice and Commitment*, 1977, p. 215—246

— эти два сочинения Ф. Джилберта относятся к более специальным разработкам

Quentin Skinner, 'Machiavelli's *Discorsi* and the Pre-humanist Origins of Republican Ideas' in *Machiavelli and Republicanism*, ed. Bock Skinner and Viroli, p. 121—141

Научные труды о трактате «История Флоренции»

Gennaro Sasso, *Niccolo Machavelli II. La storiografia* (Bologna, 1993)

— в работе полный анализ трактата

Felix Gilbert, 'Machiavelli's *Istorie Fiorentine*: An Essay in Interpretation' in *History: Choice and Commitment*, 1977, p. 135—153

John M. Najemy 'Arti and Ordini in Machiavelli's in *Essays Presented to Myron P. Gilmore* ed. Sergio Bertelli and Gloria Ramakus, 2 vols (Florence, 1978), p. 161—191

Carlo Dionisotti, 'Machiavelli storico' in *Machiavellerie* (Turin, 1980), p. 365—409

Gisela Bock, 'Civil Discord in Machiavelli's *Istorie Fiorentine*' in *Machiavelli and Republicanism*, ed. Bock Skinner and Viroli, p. 181—201

Список иллюстраций

1. Палаццо Веккьо, Флоренция. Здесь размещалась Вторая канцелярия, в которой Макиавелли работал с 1498 по 1512 г.
2. Титульный лист одного из многочисленных ранних изданий трактата «Государь», Венеция.
3. Титульный лист трактата «Государь», перевод Эдварда Дакра; первое печатное издание.
4. Портрет Макиавелли работы Санти ди Тито, Палаццо Веккьо, Флоренция.
5. Рабочий стол Макиавелли в его доме в Сан-Андреа (Перкусси-на, юг Флоренции). Здесь в 1513 г. был написан трактат «Государь».

Содержание

От автора 3

Введение 6

Глава 1. ДИПЛОМАТ 9

Глава 2. СОВЕТНИК ГОСУДАРЯ 39

Глава 3. ТЕОРЕТИК СВОБОДЫ 85

Глава 4. ЛЕТОПИСЕЦ ФЛОРЕНЦИИ 131

Труды Макиавелли, цитируемые в тексте 150

Дополнительная литература 151

Список иллюстраций 158

КВЕНТИН СКИННЕР

МАКИАВЕЛЛИ

Очень краткое введение

Редактор *М. Шарлай*

Художественный редактор *С. Сакнынь*

Технический редактор *Н. Овчинникова*

Корректор *М. Евчик*

Оператор компьютерной верстки *Л. Горошко*

Подписано в печать 01.04.2009. Формат 70 × 100/32.

Печать офсетная. Бумага газетная. Гарнитура «OfficinaSansC».

Усл. печ. л. 6,5. Тираж 3000. Заказ № 7114

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги и брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.014255.12.08 от 23.12.2008 г.

ООО «Издательство «Астрель»

129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. За

www.ast.ru

Издание осуществлено при техническом содействии

ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК

«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14